

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему **Проблемы квалификации убийств с отягчающими
обстоятельствами**

Студент

Д.И. Сафронов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

О.Ю. Савельева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

руководитель

Руководитель программы д.ю.н., профессор В.М. Корнуков

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ Г.

Допустить к защите

Заведующий кафедрой к.ю.н., доцент С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ Г.

Тольятти 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Общие положения об убийстве	8
1.1. Уголовная ответственность за убийство по российскому законодательству.....	8
1.2. Уголовная ответственность за убийство по зарубежному законодательству.....	27
Глава 2. Спорные вопросы квалификации убийств с отягчающими обстоятельствами в зависимости от особенностей объективных признаков	39
2.1. Особенности квалификации убийства, совершенного в отношении специального потерпевшего	39
2.2. Особенности квалификации убийств в зависимости от способа совершения.....	47
Глава 3. Спорные вопросы квалификации убийств с отягчающими обстоятельствами в зависимости от особенностей субъективных признаков.....	57
3.1. Особенности квалификации убийств в зависимости от специальных мотивов и целей	57
3.2. Особенности квалификации убийства, совершенного в соучастии.....	85
Заключение.....	104
Список используемой литературы и источников.....	108

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы магистерской диссертации обусловлена тем, что жизнь любого человека представляет собой, безусловно, наиболее важное, данное ему от самой природы и признаваемое любым цивилизованным человеческим сообществом благо и ценность.

При совершении уголовно-наказуемых посягательств на это общепризнаваемое социально значимое благо неизбежно наступают не только биологические, но и социально негативные последствия, которые при этом изначально не поддаются ни восстановлению, ни возмещению, так как утрата биологической жизни любого организма, в том числе и человеческого, явно необратима и ничем не окупаема.

Провозглашение и закрепление в ныне действующей Конституции РФ право любого человека на собственную жизнь, безусловно, требует от современного российского государства и ее правоохранительных органов определенной, причем явно бескомпромиссной борьбы с преступлениями, направленными на ликвидацию человеческой жизни, где главенствующее место, безусловно, принадлежит убийству, т.е. противоправному посягательству на жизнь другого человека.

Убийство – одно из самых тяжких преступлений, при совершении которого наступают последствия, представляющие высокую общественную опасность, а именно утрата жизни человека. За последние 20 лет в массе совершённых преступлений убийство занимает одно из ведущих мест, что говорит о угрозе национальной безопасности страны и общественному порядку¹.

Степень разработанности темы. Вопросы квалификации убийств традиционно являются одной из популярных тематик в исследованиях различных уровней, что обусловлено приоритетом уголовной политики по

¹ Жолдошалиев М.Т. Динамика убийств: индикатор угрозы в сфере национальной безопасности государства // Таврический научный обозреватель. – Ялта. – 2017. – № 1 (18). – С. 77-82.

защите жизни как высшей человеческой ценности. Вместе с тем, несмотря на большое количество публикации по данной тематике, остается ряд спорных вопросов, которые требуют дальнейшего анализа и разработки.

Объектом исследования выступают часть правовых отношений, складывающихся в процессе квалификации преступлений против жизни.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты национального и зарубежного уровней, в которых определяются вопросы квалификации преступлений против жизни.

Цель исследования является комплексный правовой анализ квалифицированных видов убийств и выявление наиболее значимых и спорных вопросов, возникающих при квалификации данной категории преступлений.

Достижение поставленных целей обусловило постановку и решение следующих **задач**:

- проведение ретроспективного анализа законодательства об ответственности за убийства;
- определение понятия убийств по действующему российскому уголовному законодательству;
- анализ ответственности за убийства по зарубежному уголовному законодательству;
- анализ особенностей квалификации преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволявший исследовать явление во взаимосвязи и развитии. Также применялись всеобщие методы: анализ, дедукция, синтез, структурно-функциональный метод и метод системного анализа. К частнонаучным методам применяемых в рамках данного исследования следует отнести: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой метод.

Нормативно-правовую основу исследования составило действующее уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за квалифицированные виды убийств.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых по вопросам, касающимся квалификации преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, а именно: С.В. Бородин, М.В. Задворнов, А.Л. Иванов, К.В. Маляев, И.Л. Марогулова, Т.Н. Нуркаева, С.В. Павлущая, А.И. Рарог, Б.В. Сидоров, В.А. Смирнов, А.И. Стрельников и многих других.

Научная новизна исследования определяется теми цели и задачами, которые были поставлены, а также выражается в авторском подходе к освещению темы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Представляется, что признание лица беспомощным как квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 105 УК РФ) должен решаться исходя из обстоятельств дела в каждом конкретном случае. Оценка неспособности оказать должное сопротивление – вопрос факта, который решает суд. Вывод о способности оценивать и осознавать происходящее делает непосредственно суд.

2. Среди проблем, связанных с квалификацией убийств с отягчающими признаками, необходимо выделить проблему трактовки признака «заведомости», что актуально не только для состава убийства, но и для иных преступлений, содержащих данный признак. УК РФ и Пленум Верховного Суда РФ не имеет официального толкования этого понятия.

В этой связи, в целях единообразного формирования судебной практики, необходимо в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» внести разъяснение следующего содержания: «Заведомость предполагает, что виновный знает и субъективно убежден в беременности потерпевшей, у него отсутствуют сомнения в том, что она беременна».

3. Убийство, совершенное с особой жестокостью следует характеризовать по определенным признакам.

Во-первых, это избранный виновным способ убийства.

Во-вторых, это обстановка совершения преступления; какое взаимоотношение было между виновным и потерпевшим.

В-третьих, каково было поведение виновного до совершения убийства с особой жестокостью, т.е. применял ли виновный пытки, издевательства или другие способы причинения страданий по отношению к потерпевшему.

4. Субъектом убийства по мотиву кровной мести может быть любое лицо, независимо от национальной принадлежности. Для квалификации убийства по мотиву кровной мести важно установить именно мотив кровной мести. Национальные, этнические признаки лица, совершившего убийство, имеют лишь доказательственное значение для установления мотива преступления и не имеют самостоятельного значения для уголовно-правовой квалификации убийства по мотиву кровной мести. Соответственно, субъекта рассматриваемого преступления необходимо считать общим, это физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена выводами и рекомендациями, сформированными в настоящей магистерской диссертации. Именно они составили теоретическую основу проведения дальнейших исследований вопросов уголовной ответственности за убийства с отягчающими признаками.

Результаты, которые получены в ходе настоящего исследования, могут быть внедрены в учебный процесс в виде лекционного материала по дисциплине «Уголовное право» и спецкурсам «Преступления против личности и «Насильственные преступления».

Апробация результатов исследования. Магистерская диссертация выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре «Уголовное право и процесс».

Кроме того, магистрант выступил с докладом по теме диссертационного исследования на Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», проходившей в г. Тольятти 15 марта 2019г.

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, три главы, состоящих из шести параграфов; заключение и список используемой литературы и источников.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УБИЙСТВЕ

1.1. Уголовная ответственность за убийство по российскому законодательству

Важнейшей задачей любого государства в сфере правового регулирования выступает справедливое и адекватное наказание преступника.

Для этого, прежде всего, требуется верное установление состава преступления; его классификация, соответствующая современным нормам; определение всех имеющихся отягчающих и смягчающих обстоятельств преступления.

Современное уголовное право России руководствуется в числе прочих принципом гуманизма. Данный принцип выступает как базовый для всей правовой системы современного Российского государства, что отвечает тенденциям передовых стран. Это обстоятельство повышает ответственность, которая лежит на органах правопорядка и судебных инстанциях. Действительно, неверно установленный состав преступления, его неверная классификация, не учет имеющихся отягчающих и смягчающих обстоятельств может привести к серьезным судебным ошибкам. Это недопустимо с точки зрения идей гуманизма и приоритета человеческой личности, которые должны превалировать в современном обществе¹.

Определение убийства представляет собой один из ведущих компонентов уголовно-правовой дефиниции данного понятия в современной юридической науке. Для более детального и глубокого ознакомления с данной проблемой представляется целесообразным изучить в исторической ретроспективе эволюцию уголовно-правового законодательства в данной сфере.

¹ Бабичев А.Г. Становление уголовного законодательства об ответственности за убийство // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - №2. – С.151-154.

Как отмечает М.Л. Горячева, убийство, т. е. лишение человека жизни, данной ему от природы, всегда считалось самым тяжким преступлением. Начиная с древних времен, когда первобытный человек только начал формировать «общество», убийство себе подобного считалось неприемлемым. В современном мире на одном из первых мест стоит личность, охрана ее прав и свобод. В связи с этим законодательство постоянно изменяется и обновляется¹.

Впервые в истории России понятие «убийство» и мера наказания за него встречаются в договоре князя Олега с греками 911 г.

Подробная законодательная регламентация убийства была дана в ст. 1-21 Пространной редакции Русской Правды. Для устрашения подданного населения и превенции посягательств на жизнь главы государства и представителей административно-судебного аппарата стала массово назначаться смертная казнь.

«Поток и разграбление» назначались за совершение тяжких преступлений, связанных с убийством в разбое. Основным видом наказания выступал «поток», предусматривающий лишение преступника социального статуса (чина) и права проживать с женой и детьми на прежнем месте жительства, сопряженного с изгнанием на «чужбину» (ст. 7, 35, 83 Пространной Правды)².

Социально-экономические и политические преобразования, происходившие на территории Древнерусского государства в XII-XIV вв., отразились на основных направлениях реализации уголовно-правовой политики. Псковская судная грамота предусматривает разграничение преступлений против жизни и здоровья³. Убийство («головшина»)

¹ Горячева М.Л. Исторический обзор эволюции ответственности за убийство в российском законодательстве // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. - СПб, 2018. - С. 95-98.

² Авдеев В. А., Авдеева Е. В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права // Lex Russica. - 2018. - № 10. - С. 157 - 165

³ Авдеева О. А. Правовая политика России в XII-XIV вв : учебное пособие. - Иркутск, 2002. - С. 46.

заключалось в причинении смерти другому человеку (ст. 96 Псковской судной грамоты). Закон стал разграничивать составы отцеубийства и братоубийства (ст. 97 Псковской судной грамоты).

Основные тенденции уголовно-правовой политики Русского централизованного государства в сфере регламентации преступлений против жизни получили отражение в Судебнике 1497 г. Квалифицирующим признаком «душегубства» признавалось причинение приписными крестьянами и горожанами смерти своим господам. Наказанием «государскому убийце» служила смертная казнь (ст. 9). Совершение убийства лицом, имеющим судимость за ранее реализованное преступление («ведомым лихим человеком»), также имело квалифицирующее значение.

Уже тогда были квалификационные виды убийств, одним из первых стали: государственные убийства. Преступников называли лихими людьми», т. е. представляющими опасность для других. Существовало понятие ведомого лихого человека, что в Судебнике понималось как особо опасный человек¹.

Массовое антикрепостническое движение в период централизации Русского государства потребовало изменения действовавшей системы наказаний. Устрашению социальных низов прежде всего способствовало широкое распространение смертной казни. В этой связи увеличивается перечень преступлений, предусматривающих в качестве меры наказания смертную казнь. Смертная казнь назначалась, в частности, за «душегубство» господина и иное «лихое дело», реализованное «ведомым лихим человеком»².

Уголовно-правовая политика периода сословно-представительной монархии находит свое отражение в Соборном уложении 1649 г., которое, сохраняя преемственность прежнего законодательства, осуществляет дальнейшую детализацию институтов уголовного права.

¹ Хрестоматия по истории государства и права СССР: Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1990. - С123.

² Авдеева О. А. Правовая система России в XVI- XVII вв. - Иркутск, 2004. - С. 47-55.

Соборное уложение дифференцирует ответственность за убийство в зависимости от объекта посягательства. Так, совершение «убойства смертного умышлением» каралось смертной казнью (ст. 72 гл. XXI). «Смерти без какой-либо пощады» подлежали сын или дочь, умышленно причинившие смерть «своим отцу или матери». Между тем «смертное убийство», реализованное отцом или матерью в отношении детей, наказывалось тюремным заключением сроком на один год (ст. 3 гл. XXII). Смертная казнь была предусмотрена за 36 преступлений, однако к 1706 г. такая мера наказания полагалась только за два вида преступлений: бунт и смертоубийство. Одним из самых четких квалифицирующих признаков убийства стало убийство вора, который посягнул на хлеб или собранный на хлеб урожай. Появляется множество классификаций убийств, такие как убийство родителей, детей (незаконных), господина, законных детей, родственников; особенно выделяли убийство в церкви, человека на государственной службе, служилых людей, на государевом дворе или в присутствии царя. Преступления делились по родовым признакам, что позволяло оценивать каждое и назначать определенное наказание¹.

Уголовно-правовая политика подвергается радикальным изменениям в период становления в России абсолютистских начал (XVII-XVIII вв.). Этому способствуют социально-экономические и политико-правовые преобразования, происходящие на территории Российской империи². Поступательное развитие экономики, проведение активной внешнеполитической деятельности детерминировало необходимость разработки уголовно-правовой стратегии, отражением которой становится Артикул воинский 1715 г. Преступления против личности включают посягательства на жизнь и здоровье и иные составы преступлений, характеризующиеся другими непосредственными объектами уголовно-

¹ Зубкова В. И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство и практика : монография. - М., 2016. - С. 28.

² Авдеева О. А. Правовое регулирование уголовных правоотношений в России (IX-XVIII вв.): монография. - Иркутск, 2012. - С. 56.

правовой охраны. К убийствам относились: убийство матери или отца, убийство офицера, убийство новорожденного ребенка. Убийство каралось смертной казнью в различных ее вариациях. Было сказано, что любой человек, посягнувший на убийство или совершивший его, должен быть «казнен смертью». Смертная казнь исполнялась посредством отсечения головы, колесования и повешения. Одним из прогрессивных моментов устава Петра считается признание преступлением убийства людей с физическими недостатками («уродов») и убийства на дуэли.

В правление императора Николая I была проведена кодификация законодательства, в ходе которой был разработан и принят Свод законов уголовных (1832 г.). В данном нормативно-правовом акте мы встречаем более четкую и детальную формулировку убийства, что отражает прогрессивное развитие отечественного уголовного права. Согласно нормам статьи 330, «смертоубийство» представляло собой «насильственную смерть, причиненную другому человеку нанесением ушиба, ранений либо отравлением».

Характерной особенностью является идентификация мер ответственности за убийство в драке и неосторожное смертоубийство (ст. 332-337). Свод законов Российской империи дифференцирует особенные виды смертоубийства, выделяя следующие виды убийства: а) родственное; б) начальников подчиненными и наоборот; в) господ слугами и наоборот; г) лиц при отправлении должностей (ст. 341).

Осуждению подвергались как ослушники закона, учинившие вызов на поединок и обнажившие оружие. Секунданты рассматривались в качестве участников поединка, подлежали осуждению в зависимости от характера наступивших последствий. При убийстве они становились соучастниками убийства и т.п. (ст. 349-354).

В 1845 г. был принят новый уголовный кодекс, действовавший до 1917 г.: «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»¹. В главе I — «О смертоубийстве» дифференциации подлежала ответственность за: 1) умышленное убийство отца или матери; 2) повторное смертоубийство; 3) предумышленное убийство; 4) предумышленное убийство жены или мужа, сына либо дочери и т.д. Кроме того кодекс предусматривал разделение на умыслы: прямой и непрямой. Появились понятие «рецидив преступления» и новое отягчающее обстоятельство убийства: «с целью скрыть другое преступление». Упоминались и смягчающие обстоятельства: убийство, совершенное при необходимой обороне, при детоубийстве.

Разнообразие способов совершения убийства, сложность состава каждого преступления заставляют государство принимать экстренные меры: вводить норму закона и структурировать ее.

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР. Но в нем отсутствовала четко разработанная система борьбы с убийствами. В УК РСФСР 1926 г. было очень много «пробелов» в праве. В частности, в то время как в статье упоминалось убийство с целью скрыть другое, более тяжкое, преступление, законодатель не давал толкования термина «тяжкое преступление». Причина «пробела» обусловлена тем, что данный пункт статьи был взят из Уложения, но в Уложении была расшифровка «тяжкого преступления», а в новый кодекс ее не ввели.

Разработка и структурирование Уголовного кодекса РСФСР, принятого и утвержденного всенародным съездом 27 октября 1960 г., стали большим шагом вперед уголовного законодательства страны.

Убийство выделили в отдельную группу, она стала структурированной и более четко прописанной. Однако и этот закон не был лишен недостатков. Законодатель прописал квалифицирующие признаки убийства, но не дал четкого определения каждому из них, оставляя право за судами и

¹ Хрестоматия по истории государства и права СССР: Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1990. – С123.

правоохранительными органами «додумывать» их значение. Главная проблема УК РСФСР 1960 г. состояла в том, что убийство признавалось только умышленным: по мнению законодателя, это могло быть действием или бездействием, но убийство при невыполнении каких-либо действий всегда было только умышленным.

Большой проблемой являлось «отставание» медицины, от уголовного права. У медиков не было единого мнения о наступлении момента смерти. В случае если у человека наступала клиническая смерть, а затем врачи возвращали его к жизни, преступление считалась только покушением на убийство или приготовлением к нему¹.

Такая проблема возникла из-за толкования закона: законодатель пояснил, что состав преступления должен быть материальным, т. е. между действиями преступника и результатом преступления должна иметься причинно-следственная связь.

Одной из самой «положительных» мер наказания в УК РСФСР 1960 г. являлась смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах, которую приводили в исполнение путем расстрела.

Большинство статей, касающихся убийства, перешли в новый УК РФ. Они были доработаны, дополнены, но основа осталась неизменной: структурированные и последовательные нормы закона.

В Уголовном кодексе РФ Особенная часть начинается именно со ст. 105 «Убийство». Тем самым подчеркивается, что право человека на жизнь является неотъемлемым, самым важным для государства и никто не имеет права лишать гражданина этого права.

В Уголовном кодексе РФ очень широко рассмотрен термин «убийство». С момента вступления нового закона в силу статья «Убийство» перетерпела значительные изменения: исправлено более половины нормы закона, внесены новые формулировки, а также новые признаки

¹ Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. - Новосибирск, 1991. – С.231.

квалифицирующих составов преступления (убийство при отягчающих обстоятельствах). Норма стала включать в себя важнейшие квалифицирующие признаки, которые позволяли подходить индивидуально к каждому совершенному преступлению.

В связи с изменением экономической, политической и социальной обстановки в государстве появляются новые виды преступлений. В 1990-х гг. это были заказные убийства, убийства по политическим мотивам, убийства военнопленных в зонах боевых конфликтов. Сейчас появилась проблема в квалификации в связи с развитием науки, техники, с многообразием средств, с помощью которых можно совершить преступление и скрыть его от правоохранительных органов. В частности, убийства совершаются с применением радиоуправляемых бомб, компьютерных технологий, трудно обнаруживаемых ядов, которые сейчас можно изготовить даже кустарным способом¹.

Итак, отечественное уголовное право на протяжении достаточно длительного периода своего развития, устанавливая разновидности и категории убийств, не предоставляло самого определения понятия «убийство».

Важнейшей задачей любого государства в сфере правового регулирования выступает справедливое и адекватное наказание преступника.

Для этого, прежде всего, требуется верное установление состава преступления; его классификация, соответствующая современным нормам; определение всех имеющихся отягчающих и смягчающих обстоятельств преступления.

Современное уголовное право России руководствуется в числе прочих принципом гуманизма. Данный принцип выступает как базовый для всей правовой системы современного Российского государства, что отвечает тенденциям передовых стран. Это обстоятельство повышает ответственность,

¹ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2009. – С.143.

которая лежит на органах правопорядка и судебных инстанциях. Действительно, неверно установленный состав преступления, его неверная классификация, не учет имеющихся отягчающих и смягчающих обстоятельств может привести к серьезным судебным ошибкам. Это недопустимо с точки зрения идей гуманизма и приоритета человеческой личности, которые должны превалировать в современном обществе¹.

Определение убийства представляет собой один из ведущих компонентов уголовно-правовой дефиниции данного понятия в современной юридической науке. Для более детального и глубокого ознакомления с данной проблемой представляется целесообразным изучить в исторической ретроспективе эволюцию уголовно-правового законодательства в данной сфере.

Для четкого и однозначного ограничения круга преступлений, которые относятся к убийствам, прежде всего квалифицированным, необходимо изучить доктринальные (научные) подходы к рассмотрению данной проблемы.

Прежде всего нужно начать с объектов убийства. Как известно классификация объектов проводится, прежде всего, по «вертикале». Так, общим объектом преступления следует признавать человека в системе общественных отношений. Непосредственным объектом преступления следует считать обезличенную социальную связь между субъектами как первичный элемент общественных отношений определенного типа. Основным элементом и условием существования социальной связи является субъект – человек. Такое понимание непосредственного объекта убийства позволит не признавать покушением на убийство воздействие на мертвого человека с целью его убийства, а также влияет на квалификацию при отклонении действия и ошибке в личности потерпевшего.

Необходимым условием существования общественных отношений выступает жизнь человека, которая должна охраняться уголовным правом в

¹ Бабичев А.Г. Указ. соч. С.151-154.

первую очередь. Признание человека в системе общественных отношений позволит привести положения УК РФ в соответствие с Конституцией РФ и упростить для правоприменителя применение норм, указанных в разделе «Преступления против личности» Особенной части УК РФ.

Кроме этого, признание человека основным структурным элементом общественных отношений и условием их существования влияет на квалификацию при совершении преступлений против жизни. Общественные отношения складываются из конкретных единичных социальных связей, образующих в совокупности общественные отношения определенного типа, которые при воздействии на них виновным проявляются в фактических последствиях преступления – изменениях в субъекте отношений (потерпевшем), явлениях материального и нематериального мира. Учитывая, что бессубъектных социальных связей не существует, убийство человека разрушает социальную связь в ее конкретном проявлении.

Жизнь любого человека может являться объектом преступлений против жизни. В одну группу преступлений, которые в своей основе имеют посягательство на человеческую жизнь, объединяются все виды убийств по одному общему признаку, а именно объекту преступления. Жизнь индивида естественно есть процесс биологический, но, отрываться от жизни в обществе не получится. И охрана жизни человека определяется господствующими в обществе отношениями.

С. Н. Бычков пишет, что «жизнь признается начавшейся с момента родов, то есть появления части младенца из утробы матери»¹. А Н.Ф. Ахраменка уточняет: «Начало уголовно-правовой охраны жизни совпадает с моментом возникновения родовых схваток при беременности сроком свыше 22 недель, когда плод уже способен к внеутробной жизни»².

Уголовно-правовая охрана жизни человека прекращается с его смертью, и, следовательно, об убийстве говорить нельзя, если в человека,

¹ Калайков С.С. Уголовная ответственность за убийство. - М., 2004. - С. 90.

² Ахраменка Н.Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – С.294.

уже умершего, лицом производится выстрел с целью лишения его жизни. В данном случае можно говорить, что невозможно совершить убийство, так как последствия не наступают, но общественная опасность от неправовых действий лица, несомненно, присутствует, ведь негативный результат не наступает по причинам, которые от этого лица не зависят. Ответственность лицо должно нести за покушение в его представлении на еще существующую жизнь человека, хотя в данном случае жертва фигурирует в качестве негодного объекта.

В России законодательно закреплено, что любой живущий на территории государства человек, несмотря на его возраст, моральный облик и физические качества, имеет право на охрану жизни и здоровья в соответствии с уголовным правом. Священным для человека в равной степени является жизненный срок, как было справедливо замечено¹, размером и в один час, и в 80 лет.

В настоящее время жизнь человека берет начало с физиологического рожденья. До тех пор, пока плод находится в чреве матери и родовой процесс еще не начался, состава убийства в уничтожение плода ребенка не содержится.

Но в то же время ученые высказали сомнения относительно того, что живорожденность увязана с самостоятельным дыханием ребенка, поскольку если такого дыхания нет, то ребенок считается живым лишь в том случае, если у него зафиксировано движение мышц или пульсация пуповины.

Живорождением называется полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери независимо от того, сколько продолжалась беременность, причем плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни: сердцебиение, пульсация пуповины или

¹ Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - С.21.

произвольное движение мускулатуры – независимо от того, была перевязана пуповина и отделилась ли плацента¹.

Соответственно, представляется обоснованным и заслуживает внимания со стороны правоприменителей утверждение, что начальный момент жизни человека – это момент появления из организма роженицы части тела младенца, который имеет сердцебиение.

Когда же центральная нервная система при внешнем вмешательстве прекращает свою деятельность, и кора головного мозга подвергается необратимому распаду белковых тел, в результате чего уже невозможно жизнедеятельность организма восстановить, наступает биологическая смерть, и это следует считать моментом завершения жизни, и в данном случае состав убийства образуется.

22 декабря 1992 года был издан Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»², где конкретно описываются все признаки, констатирующие гибель всего головного мозга необратимую и завершённую, и на основании указанного Закона дается заключение о смерти. Если же смерть наступила, но при помощи медицинских реанимационных мероприятий организм потерпевшего удастся оживить, то речь идет о причинении клинической смерти, и содеянное правонарушение расценивается как покушение на убийство.

Кроме того, в Российской Федерации момент смерти определяется в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения РФ от 25 декабря 2014г. №908н «О порядке установления диагноза смерти мозга человека»³. В соответствии с положениями указанного документа, «смерть мозга человека наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции

¹ Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. - М., 1994. – С.7.

² Закон РФ от 22 декабря 1992г. №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. - №2. - Ст. 62.

³ <http://www.pravo.gov.ru/>

легких. Момент смерти мозга человека является моментом смерти человека». Решающим для констатации смерти мозга является сочетание факта прекращения функций всего головного мозга с доказательством необратимости этого прекращения.

Инструкция устанавливает комплекс клинических критериев, наличие которых обязательно для установления диагноза смерти мозга. К ним относятся: полное и устойчивое отсутствие сознания (кома); атония всех мышц; отсутствие реакции на сильные болевые раздражения в области тригеминальных точек и любых других рефлексов, замыкающихся выше шейного отдела спинного мозга; отсутствие реакции зрачков на прямой яркий свет; отсутствие корнеальных рефлексов; отсутствие окулоцефалических рефлексов; отсутствие окуловестибулярных рефлексов; отсутствие фарингеальных и трахеальных рефлексов; отсутствие самостоятельного дыхания. Совокупность перечисленных признаков свидетельствует о том, что наступила смерть человека.

Таким образом, как отмечает К.С. Сулякова, момент прекращения жизни (смерти) определен законодательно достаточно четко, а момент определения начала жизни на практике может вызывать затруднения, которых можно избежать путем внесения изменений в диспозицию ст. 105 действующего уголовного закона¹.

Убийство как преступление представляет собой особую общественную опасность, на что указывает объект посягательства. В уничтожении человеческой жизни и состоит, прежде всего, главная опасность.

Причиненный вред загладить невозможно, если наступила смерть потерпевшего. Ущерб, причиненный при совершении некоторых преступлений, может быть возмещен полностью или хотя бы в некоторой степени, но последствия невозможно устранить, они необратимы, если

¹ Сулякова К. С. Жизнь человека как объект преступного посягательства при убийстве // сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. 2018.: Наука и Просвещение (Пенза). – С.97-99.

человек лишился жизни. В данном случае лишением жизни потерпевшего факт совершенного вреда не ограничивается. Здесь имеет место нанесение и тяжкого морального вреда. Насильственная неожиданная смерть человека причиняет членам семьи, родственникам, знакомым, товарищам и сослуживцам глубокую душевную травму.

Чтобы определить общественную опасность, правильно и законно квалифицировать преступление, для того и другого в равной степени очень важно выяснить объект убийства. Как объект преступного посягательства, жизнь человека охраняется рядом уголовно-правовых норм, в том числе и законом об ответственности за убийство, которые имеют перед собой цель защитить жизнь человека, которую следует рассматривать как отдельную разновидность отношений между людьми и государством, называемых общественными и убийства следует квалифицировать с учетом вышесказанного. Следовательно, правильная квалификация в таких случаях очень важно разграничить по объекту посягательства.

Объективная сторона состава преступления подразумевается при условии объекта посягательства, определенного в виде жизнь человека.

Объективная сторона убийства содержится в совершении деяния в виде действия или бездействия. Юридической квалификации подлежит метод, время и место выполнение преступного действия. Оно может содержаться в ударе ножом, утоплении, выстреле из огнестрельного оружия, повешении и др.

Но действие может содержаться не только в конкретном физиологическом воздействии на человека, но и в опосредованном, заключающемся в психическом действии, к примеру, методом угрозы, испуга.

Бездействие может содержаться в не совершении действий по сохранению жизни человека в тех вариантах, когда виновное лицо было должно выполнить необходимую заботу о потерпевшем. Например, доктор в отношении больного, шофер в отношении пассажиров транспортного

средства и др. У виновного обязана была быть вероятность предупредить наступление смерти.

Общественно опасным последствием выступает смерть потерпевшего. Она могла настать в процессе совершения действий, немедленно после их завершения или спустя значимый промежуток времени.

Необходимо обосновать связь меж совершенным действием и пришествием смерти. Определяющим причиной будет выступать присутствие замысла конкретно в лишении жизни, так как смерть могла настать и по неосторожности, к примеру, когда преступник имел желание лишь усыпить жертву, но не убивать ее.

Ст. 110 УК РФ демонстрирует необходимость проведения разграничения между убийством человека и доведением его до самоубийства.

В качестве объекта преступления против жизни, как уже подчеркивалось, может выступать любой живой человек. По каждому конкретному делу выясняется объект преступления, и речь обычно идет о единственно возможной в данном аспекте личности. В жизни случаются обстоятельства, независимые от виновного, когда он вместо одного человека, имея намерения его убить, убивает другого, и такие случаи судебной практике известны.

«Ошибка в объекте», так характеризуются подобные случаи в литературе. В действительности же жизнь одного и другого человека остается объектом убийства, просто в личности потерпевшего в действиях виновного происходит ошибка, которая, по общему правилу, на квалификацию преступления не оказывает никакого влияния.

Но не всегда виновный имеет перед собой цель непременно лишить жизни человека. Важно всесторонне исследовать личность потерпевшего, являющегося объектом преступления против жизни, в особенности при смягчении наказания или провокации виновного со стороны потерпевшего.

Но провокация преступника не всегда является смягчающим обстоятельством, но и отягчающим. Для квалификации преступления личность потерпевшего должна иметь подробные данные и характеристики, и эти данные в законе обязательно указываются в качестве обстоятельств, например, убийство новорожденного ребенка собственной матерью или убийство женщины, находившейся в состоянии беременности, и виновный об этом знал. Подобные обстоятельства позволяют, учитывая вид убийства разграничить квалификацию. Достоверная квалификация преступления требует выяснить при убийстве конкретный объект посягательства, также это важно и при выявлении и анализе других признаков совершенного деяния.

В настоящее время противоправное лишение жизни другого человека является объективной стороной убийства. Однако в законе имеется значительный пробел, в частности отсутствует указание на противоправность рассматриваемого деяния, поскольку преступлением, например, нельзя назвать необходимую оборону, в результате которой происходит неумышленное причинение смерти, тот есть, когда погибает нападавший, или, когда по приговору суда смертная казнь приводится в исполнение и т. п.

Неправомерные действия и, в частности, убийство, могут совершаться самыми разными способами, но главным образом надо определить, имело место действие или бездействие. Конечно, убийство путем действия совершается гораздо чаще, и действие заключается в нарушении функций или анатомической целостности органов жизненно важных для человека.

Смерть в большинстве своем причиняется путем физического действия, а бывает, что и путь психического воздействия приводит к осуществлению убийства. Например, человек с больным сердцем, страдающий кардиологическим заболеванием в тяжелой форме, получает заведомо ложное сообщение в виде телеграммы или смс о смерти близких ему людей, то он может скончаться от сердечного приступа. Именно на такой результат и рассчитывает преступник, отправляя подобное послание.

Смерть человека может наступить в результате бездействия лица, обязанного заботиться о потерпевшем, то есть виновный должен был совершить определенные действия, направленные на предотвращение смерти, но не совершил их, это и есть убийство, свершенное путем бездействия.

Убийство как преступление имеет под собой материальную основу. Можно сказать, смерть человека материальна, и если она наступает в результате деяния виновного, то эта смерть характеризуется как оконченное убийство. При анализе объективной стороны убийства важно выявить такой ее обязательный признак, как причинная связь между действенным или бездейственным деянием виновного и наступившей смертью потерпевшего.

При этом неважно, когда наступила смерть, сразу же после совершения соответствующего действия (бездействия) или спустя значительный промежуток времени после этого.

Устанавливая причинную связь по делам об убийстве, необходимо помнить о следующем:

-причиной наступления смерти действия или бездействие субъекта, которые ей предшествовали, признаются только в том случае, если они в момент их совершения явились условием, необходимым для ее наступления, т. е. таким условием, смерть без которого бы не наступила;

-в момент совершения действия (бездействия) обвиняемого воздействуют на шанс причинения смерти.

Способ совершения преступления, его место и время, орудие, с помощью которого оно было совершено требуют пристального внимания при выяснении объективной стороны убийства. Способы совершения убийства чрезвычайно различны, но некоторые из них законодателем учитываются в качестве обстоятельства, отягчающего данное преступление (общеопасный способ, особая жестокость – п.п. «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Ст. 105 УК РФ по российскому уголовному праву предусматривает субъектом ответственности за убийство только вменяемое лицо, достигшее

при совершении преступления 14 лет. С 16 лет наступает ответственность за остальные преступления против жизни. Признаков состава преступления, описанных в уголовном праве, существует множество, но в их число не входят возраст человека и его вменяемость, эти признаки лишь обуславливают наступление или ненаступление уголовной ответственности.

Возраст и вменяемость, как подчеркивал А.Н. Трайнин, являются лишь субъективными условиями уголовной ответственности: преступник наказывается уголовным законом за совершенное им преступление при условии, что он является вменяемым и достиг определенного возраста, а вовсе не за достижение 14 лет и наличие вменяемости¹.

Такая трактовка возраста и вменяемости объясняется тем, что малолетний или невменяемый субъект устраняется от уголовной ответственности за любое свое действие, и за причинение смерти другому человеку в том числе, что не исключает его общественной опасности и принятия в его отношении других мер. Нельзя отнести возраст и вменяемость к признакам состава преступления, иначе неизбежно придется признать, что малолетний или невменяемый, лишая жизни другого человека, для общества опасности не представляет ввиду отсутствия состава преступления. Следует различать, что уголовное дело, в котором в качестве обвиняемого присутствует малолетний, не принимается в производство вовсе не из-за того, что состав преступления отсутствует, а в связи с тем, что он возраста уголовной ответственности еще не достиг. Также и в отношении невменяемого субъекта, состав преступления признается, общественная опасность присутствует, но уголовная ответственность не наступает.

Уголовная ответственность неизбежно должна наступить для лиц, которые используют малолетнего или невменяемого как орудие убийства. Субъект является ведущим звеном преступления, его обязательной частью, и находится в рамках его состава. Для признания причинения смерти

¹ Трайнин А.Н. Указ. соч. С.115.

убийством необходимым условием является наличие лица, виновными действиями которого другому человеку причинена смерть.

Для характеристики субъективной стороны убийства важен главный показатель – наличие или отсутствие умышленной вины, при этом не исключается психическое отношение субъекта к своим действиям и наступившей смерти потерпевшего. Умысел на совершение преступления бывает прямым или косвенным. При прямом умысле лицом сознательно совершается деяние, определяемое уголовным правом как действие или бездействие, несущее опасность другому человеку, его жизни и здоровью, неизбежность или возможность наступления смерти, которого для него желанна и очевидна. При косвенном умысле субъект сознательно допускает, что смерть может наступить, или демонстрирует безразличие к данному факту.

Таким образом можно отметить, что проблемы реализации уголовно-правовой политики в сфере охраны жизни и здоровья predeterminedены адекватизацией мер уголовного наказания. Реализация уголовного наказания предусматривает учет совокупности факторов, в том числе категорию совершенного преступления, общественную опасность личности виновного, совокупность иных обстоятельств, подлежащих учету при выборе меры государственного принуждения, порядок и условия содержания осужденных. Таким образом, эффективность уголовно-правовой политики в сфере обеспечения права человека на жизнь и здоровье инспирирует законодательную формулу, балансирующую правовые критерии оценки и квалификации уголовно-правовых норм и дифференцирующую наказание исходя из степени причиненного человеку, обществу и государству данными видами преступлений ущерба.

1.2. Уголовная ответственность за убийство по зарубежному законодательству

Обратимся к уголовно-правовым нормам зарубежных стран, предусматривающим уголовную ответственность за убийства.

Убийство в странах общего права подразделяется на три вида – один общий и два квалифицированных, каждый из которых включает уникальное соотношение элементов состава и признаков.

В системе общего права сознательное лишение человека жизни, запрещённое уголовным законом, именуется *homicide* и подразделяется ещё на несколько видов преступлений. Наиболее распространённые из них в традициях российского сравнительно-правового перевода называются «умышленное убийство» (*murder*) и «непредумышленное убийство» (*manslaughter*). Каждый из этих видов объединён одинаковым *actus reus*: действием (или покушением на действие), осознанно и добровольно совершённым одним человеком, которое влечёт за собой смерть другого человека быстрее, чем могут наступить иные последствия¹.

К примеру, в доктрине австралийского уголовного права подобное определение относится только к незаконному убийству (*unlawful homicide*), то есть совершенному при наличии абсолютного запрета на причинение смерти, что также является важным уточнением применительно к оценке совокупности элементов *actus reus* и *mens rea*. Оценка убийства при самозащите, задержании и т.д. происходит по другим критериям.

В свою очередь, умышленное и непредумышленное убийство в общем праве подразделяются на дополнительные подвиды. Так, умышленное убийство существует в четырёх следующих подвидах:

1) Преднамеренное убийство (*intentional murder*) – представляет собой убийство, при котором лицо умышленно причиняет смерть другому

¹ Кучина Я.О. Убийство в общем праве (на примере уголовного права Австралии) и его отличие от института убийства в российском уголовном законе // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. - 2017. Т.19. - №4. - С. 118-128.

человеку, не предпринимая никаких усилий, чтобы снизить тяжесть вреда или избежать последствий в виде смерти, а, напротив, действует с выраженным намерением вызвать немедленную смерть или такие повреждения тела, которые не совместимы с жизнью (т.е. влекущие смерть). Понятие преднамеренного убийства содержится в теории общего уголовного права, а уголовный закон конкретной федеративной единицы Австралии не требует её включения в статут, ограничиваясь, в ряде случаев, лишь санкцией за такое убийство (Южная Австралия, Виктория)¹.

2) «Безрассудное убийство», или необдуманное убийство (*reckless murder*), которое иногда при переводе работ о системе общего уголовного права называют преднамеренным убийством второго типа², – это убийство, совпадающее по описанию с предыдущим, однако совершённое необдуманно, или «безрассудно». Понятие «безрассудства» (*recklessness*) применительно к умышленному причинению смерти является наиболее сложным для сравнения с системой российского права и уголовно-правовой терминологией. Частично соотносясь с категорией «убийства с косвенным умыслом», оно, однако, включает в себя и признаки убийства с внезапно возникшим умыслом, и неосторожного убийства, сопряженного с игнорированием наличия уголовного запрета, то есть с мотивом намеренного пренебрежения уголовными нормами. Эта правовая концепция настолько сложна и неоднозначна, что является одной из наиболее спорных и дискуссионных категорий общего права, в том числе в законе и судебной практике³. Так, определяя этот вид убийства, уголовное право штата Виктория руководствуется позицией теории общего права, прецедентная практика судов Южной Австралии отвергает существование такого подвида⁴,

¹ Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia. Available // <https://www.legislation.sa.gov.au/>

² Третьяков К. В. Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 195-198.

³ Sornarajah, M. Reckless murder in Commonwealth Law // The International and Comparative Law Quarterly. – 1975. – Vol. 4, iss. 24. – P. 846–861.

⁴ R v Morrison (2007) SASC 168 // <https://jade.io/summary>

а закон Нового Южного Уэльса признает «безрассудное убийство» только тогда, когда лицо причиняет немедленную смерть другому человеку, при наличии признаков безрассудства относительно самой смерти (и не признает таким убийством причинение вреда здоровью, повлекшее смерть)¹. Как мы видим, этот вид убийства сочетает в себе признаки косвенного умысла и преступной неосторожности, в виде более небрежности, чем легкомыслия.

3) Статутное тяжкое убийство, совершённое с конструктивным или неопровержимо-презюмируемым умыслом (*statutory constructive murder*) – это категория общего права, предусматривающая вменение *mens rea* в связи с однозначно-трактуемыми обстоятельствами совершения убийства, то есть его объективной стороной. Здесь умысел и психическая оценка субъектом преступления совершённых им действий (а, значит, и стороной обвинения) зависит от того, как выражена объективная сторона. Несмотря на различия в конкретных признаках такого убийства, существуют три его обязательных элемента, вытекающие из так называемого «правила убийства-фелонии»¹: (1) лицом причинена смерть другому лицу (2) в ходе активного совершения действия (3) обстоятельства совершения являются отягчающими (например, с применением особой жестокости, дополнительного насилия и пр.).

Статутным это убийство называется по причине его обязательного закрепления в уголовном законодательстве, в котором к общей конструкции «правила убийства-фелонии» могут быть добавлены иные признаки. Определяющим для наступления уголовной ответственности за любое статутное преступление является завершение объективной стороны, тогда как иные признаки играют второстепенную роль или вообще не играют роли. Поэтому в Австралии такими преступлениями, как правило, признаются конкретные способы совершения убийства. Так, штат Виктория признаёт в качестве данного подвида убийство, совершённое специальным общеопасным способом – при помощи поджога (параграф 197A Crimes Act

¹ Crimes Act 1900 New South Wales // <https://www.sydneycriminallawyers.com.au/>

1958 Victoria), одновременно не признавая общего правила об убийстве-фелонии (подпараграф 3А (2) Crimes Act 1958 Victoria).

4) Последним подвидом убийства является прецедентное тяжкое убийство, совершённое с конструктивным или неопровержимо-презюмируемым умыслом (common law constructive murder) – категория, существующая только в штатах Виктория и Южная Австралия и предусматривающая ответственность за убийство другого лица путём насилия, совершённого при попытке избежать законного заключения под стражу, противодействовать перемещению в место законного содержания под стражей, или совершить побег из такого места.

Что касается непредумышленного убийства, то существуют лишь два его подвида.

К примеру, в общем уголовном праве Австралии – это:

1) Добровольно-совершённое непредумышленное убийство – представляет собой производную, практически совпадающую с убийством первой и второй степени (подвиды 1 и 2), однако со сниженной общественной опасностью в силу дополнительных обстоятельств. Такие обстоятельства разнятся в зависимости от уголовного закона конкретного штата или территории и включают в себя следующее: (1) провоцирование на убийство (Южная Австралия, Новый Южный Уэльс); (2) превышение пределов необходимой самообороны или обороны третьих лиц в силу уверенности в необходимости такого превышения (Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория); (3) смерть иного лица при неудачном совершении само-убийства (Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория); (4) при осуществлении трудовых обязанностей в стрессовой ситуации (Новый Южный Уэльс). При этом в ряде штатов, например, в Южной Австралии, специальные составы таких преступлений могут квалифицироваться и как умышленное убийство, например, если речь идёт о превышении пределов необходимой обороны при защите недвижимого имущества от посягательств.

2) Непроизвольное (случайное) непредумышленное убийство – подвиды, аналогичные российскому причинению смерти по неосторожности, один из которых включает в себя классическое причинение смерти в силу преступной небрежности, а другой – в ходе совершения общественно-опасного или незаконного деяния, повлекшего смерть человека. При этом совокупность признаков общественной опасности и незаконности (неправомерности) должна быть равной, а требование об обязательном наличии в действиях лица признака *mens rea* формально или вовсе не требуется. Стоит отметить, что устаревший термин *malice afore-thought* – «заранее обдуманый злой умысел», ранее принятый в общем праве, уже практически не применяется как признак состава умышленного убийства при вынесении приговоров в Великобритании и Австралии. Согласно теории уголовного права наличие заранее обдуманного злого умысла расширяется до пределов, свойственных российскому косвенному умыслу при совершении убийства, когда лицо знало или предполагало, что последствия в виде смерти, скорее всего, наступят, даже если относилось безразлично к этому или же считало, что может быть и не наступят.

Как отмечает Я.О. Кучина, что не все государства, принадлежащие системе общего права, признают аналогичное количество подвидов умышленного убийства, как Австралия, при рассмотрении видов непредумышленного убийства расхождений нет¹. Так же, как и Австралия, эти государства при отграничении непредумышленности руководствуются рацией общепринятых судебных решений по данным категориям преступлений², хотя некоторые создают собственные прецеденты (например: *The Republic of Nauru v Eiberuken Namaduk* (1978), par. 5), играющие существенную роль при оценке подвидов перечисленных нами деяний. Кроме того, в Австралии в качестве признака непредумышленности признаётся провокация на причинение смерти.

¹ Кучина Я.О. Указ. соч. С. 118-128.

² *DPP v Camplin* (1978) 2 All ER 168. Available // <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/>

Независимо от того, к какому виду или подвиду относится причинение смерти, можно выделить три обязательных признака, которые присутствуют в каждом из этих преступлений, – это действие, причинность и последствия, выраженные в виде наступления смерти. В связи с тем, что в доктрине общего уголовного права не существует единой концепции объекта преступления, в том числе в виде права на жизнь, то теория, закон и судебная практика занимают различные позиции относительно этих вопросов, в зависимости от элементов, формирующих уголовное право конкретной страны.

Единым правилом, определяющим наличие в действиях лица признака убийства, является причинение смерти «человеческому существу» или покушение на причинение смерти. В данном случае в доктрине общего права возникает вопрос, что же понимается под этой категорией и с какого момента физический объект можно рассматривать как человеческое существо. Ответ на этот вопрос был дан в рации судебного решения по делу *R v Nutty* (1953) VLR 338, где девятнадцатилетняя Дороти Мерле обвинялась в совершении умышленного убийства своего новорождённого ребенка. Анализ данного решения показывает, что признаками «человеческого существа» являются следующие:

1) объективные признаки человека, то есть самостоятельно мыслящего и действующего человеческого существа, находящегося в относительно здоровом состоянии с возможностью физического функционирования;

2) объективные признаки новорождённого ребенка, то есть полностью рождённого в здоровом состоянии плода человека, отделившегося от тела матери и способного существовать независимо, не получая жизненных сил от материнского тела; при этом вопрос полного отделения от пуповины не является существенным; однако ребёнок должен существовать в силу функционирования его собственных внутренних органов, а не органов тела матери.

Эта позиция полностью поддерживается всеми федеративными единицами Австралийского союза, независимо от того, закреплена ли она в законе (Новый Южный Уэльс) или же является частью доктрины общего уголовного права (Южная Австралия), или же – рации судебного прецедента (Виктория). В островных государствах мнения разнятся. Так, в Вануату новорождённый признается живым и, следовательно, может быть признан жертвой убийства, независимо от того, дышал ли он или нет, и было ли независимое кровообращение или нет, – единственным достаточным признаком является отделение ребенка от тела матери (пар. 110 Кодекса о наказаниях).

Что касается признаваемого момента смерти, то здесь в уголовном законе нет единого мнения, более того, такие современные проблемы, как вопрос эвтаназии и её отграничения от отключения тела от поддерживающей медицинской аппаратуры, а также дефиниция категории «здоровье» вызывает ряд споров¹. Ряд специальных актов Австралии² определяет смерть как необратимое прекращение функций головного мозга или кровообращения. Однако положения этих актов не являются обязательными для толкования момента смерти, поскольку речь идёт не об общей смерти тела, а об утрате признака «человеческого существа», необходимого для признания деяния убийством. В частности, необратимое прекращение функционирования головного мозга означает «смерть клеток мозга», а не смерть мозга вообще. Вопрос о необратимом прекращении кровообращения оспаривается в связи с развитием медицинских технологий, при которых кровообращение может поддерживаться искусственно (то есть не функционировать самостоятельно), например, кардиостимулятором, а мозг – продолжать жить и полностью сохранять функции разума и тела (судебный прецедент по делу Chan Yu Kueng (1987) HKLR 276 (Hong Kong)).

¹ Bartels, L. A right to die? Euthanasia and the law in Australia // Journal of Law and Medicine. – 2010. – №17. – P. 532-555.

² Death (Definition) Act 1983 South Australia // <https://www.legislation.sa.gov.au/>

В рамках категории *actus reus* любое убийство должно содержать в себе два элемента, образующих его деятельную сторону: элемент добровольности действия и правовую причинность. Добровольность действия является обязательным элементом любого из составов преступления в австралийском уголовном праве, и дискуссий по этому поводу не обнаружено. Если добровольность действия не подтверждена в рамках принципа «вне обоснованных сомнений», то вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности даже не ставится. Тем не менее критерий добровольности действия в ряде случаев описывается как действия, отвечающие требованиям нормальности или типичности для конкретного человека в конкретном случае¹. Здесь возможно провести параллели с категорией негодного способа совершения преступления, существующей в российском уголовном праве, и оценкой деяния как способного повлечь определённые последствия. Что касается причинно-следственной связи, то она определяется в рамках признака «правовой причинности» – то есть причин, соответствующих доктрине уголовного права, а не иным признакам. Для этого выделяют два качества, которые должны присутствовать в причинно-следственной связи:

1) соответствие действий и последствий «правилу кроме» (*but-for rule*), означающему, что конкретные последствия не могли наступить в силу иных причин, кроме как в силу действий лица, их совершившего;

2) если во временном промежутке между действиями лица и наступившими последствиями не выявлено никаких иных обстоятельств, которые также соответствуют «правилу кроме» и требованию о «правовой причинности», причём такие обстоятельства исключают уголовную ответственность лица за наступившую смерть.

Из всего сказанного выше очевидно, насколько существенны различия в формировании самой концепции умышленного причинения смерти в системе общего права и в российском уголовном праве. Разница эта

¹ R v Butcher (1986) VR 43 // <https://deakin.rl.talis.com/>

зарождается не на уровне дефиниций или современных академических мнений, но, согласно проведённому анализу, уходит корнями в правовые принципы, в систему доказывания, а также в традиционные способы формирования систем обвинения и правосудия. Пример исторически-устойчивых, максимально похожих по восприятию общественной опасности преступлений, вроде убийства, особенно красноречиво подчеркивает эту разницу.

Российское уголовное право, несмотря на его кажущуюся сложность и многоступенчатость применительно к институту состава преступления, представляется более предпочтительным именно в силу своей стандартизованности и алгоритмичности. Полагаем, что возникающие порой в отечественной уголовной науке идеи относительно адаптации некоторых составов преступлений из системы общего права, в том числе таких классических, каким является убийство, должны оцениваться не только с точки зрения того, нужно ли этого уголовному праву РФ, но и с точки зрения того, что имплементация диспозиции не повлечёт за собой автоматического переноса всей базы общего права, упомянутой нами выше. А это, как видно из предлагаемой статьи, сделает такую адаптацию не только бессмысленной, но и вредоносной.

УК Турции предусматривает наказание в виде пожизненного тяжкого заключения за убийство жены, мужа, брата, сестры, приемных родителей и т.д., в статье перечислены чуть ли не все возможные члены семьи, кроме детей, отсюда вывод, что за убийство ребенка ответственность будет наступать по статье 448 УК Турции как за простое убийство без отягчающих обстоятельств¹.

Уголовное законодательство Казахстана в статье, предусматривающей ответственность за умышленное убийство, в качестве квалифицированного

¹ Беспаль О.Л. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны жизни и здоровья несовершеннолетних // Российская юстиция. – 2013. – №12. – С.14-17.

вида выделяет убийство «заведомо несовершеннолетнего лица», то есть в данный квалифицированный признак попадают все дети от 0 до 18 лет¹.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан в квалифицированном составе убийства предусматривается ответственность за убийство несовершеннолетнего лица. В данную категорию попадают все лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста. Виновный, совершивший убийство потерпевшего данной возрастной категории будет нести ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах².

В Республике Беларусь структура Особенной части УК другая, по сравнению с УК РФ. Так, в УК Белоруссии (далее – УК РБ): раздел VII «Преступления против человека», в котором содержится глава 19 «Преступления против жизни и здоровья» располагается только после Раздела VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления». В российском же законодательстве, как отмечалось выше, наиболее значимыми объектами уголовно-правовой охраны является жизнь и здоровье человека.

Таким образом, непосредственным объектом ст. 105 УК РФ и ст. 139 УК РБ является жизнь человека.

Отметим, что описание диспозиций статей схожи, за исключением терминологической разницы. В УК РФ, в отличие от УК РБ, используется причастие «находящейся». Однако это указывает лишь на различие юридической техники стран, но не на содержательную разницу.

Также несущественно отличается формулировка «убийства». Так под «убийством» в УК РФ понимается умышленное причинение смерти другому человеку, а в УК РБ – умышленное противоправное лишение жизни другого человека.

¹ Уголовный Кодекс Республики Казахстан 3 июля 2014 года № 226-V. // http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks.htm

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ и ст. 139 УК РБ, является вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14 лет.

Конструируя субъективную сторону убийства, российский и белорусский законодатель использует «заведомость» при описании субъективного отношения виновного к беременности потерпевшей. На наш взгляд, такой подход вызван тем, что при принятии уголовных законов двух государств ориентация была на Модельный УК СНГ¹, где в п. «д» ч. 2 ст. 111 говорится об убийстве женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Что же понимается под «заведомостью»? В п. 14 ст. 4 УК РБ содержится разъяснение: «Под термином «заведомо» понимается признак, указывающий, что лицу, совершающему преступление, известны юридически значимые обстоятельства, предусмотренные настоящим Кодексом».

УК РФ не имеет официального толкования этого понятия. Это является существенным пробелом нашего уголовного закона. И Высшая судебная инстанция тоже не разъясняет «заведомость». Поэтому, исходя из позиций авторитетных ученых² в области уголовного права России, «заведомость» означает, что преступник знает и субъективно убежден в беременности потерпевшей, у него отсутствуют сомнения в том, что она беременна.

На наш взгляд, необходимо, чтобы в толковании таких оценочных конструкций, как «заведомость», не было разночтений. Ведь это может привести к вынесению несправедливых приговоров. Для обеспечения единообразия правоприменительной практики, считаем важным одинаковое понимания признака «заведомость».

¹ Модельный Уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. // <http://online.zakon.kz/>

² Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права. - М., 1981. - С. 38.; Краев Д.Ю. Убийство приотягчающих обстоятельствах (п.п. «в», «г», «е1», «к», «л», «м») ч. 2 ст. 105 УК РФ): монография. - М.: Юрлитинформ, 2012. - С.123.

Поэтому УК РФ считаем более прогрессивным в этом направлении. Среди ученых в области уголовного права несколько лет ведется острая дискуссия по поводу включения в УК РФ «самостоятельного структурно-композиционного элемента (статьи, главы или раздела), содержащего разъяснения (или толкования, или определения) отдельных терминов, используемых в Кодексе»¹. Однако на данном этапе развития уголовного законодательства России, считаем этот шаг преждевременным.

Таким образом в целях единообразного формирования судебной практики, необходимо в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»² (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1) внести разъяснение следующего содержания: «Заведомость предполагает, что виновный знает и субъективно убежден в беременности потерпевшей, у него отсутствуют сомнения в том, что она беременна».

¹ Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ): конспект лекций. - СПб, 2016. - С.50.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. - №3.

ГЛАВА 2. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ С ОТЯГЧАЮЩИМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ

2.1. Особенности квалификации убийства, совершенного в отношении специального потерпевшего

Убийств с отягчающими обстоятельствами или иначе говоря, квалифицированные виды убийств, перечислены в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Действующая редакция УК РФ насчитывает 13 видов таких видов убийств. По сравнению с другими видами преступлений – число квалифицированных убийств самое большое. Здесь нашли отражение практически все отягчающие признаки, указанные в ст. 63 УК РФ. При этом квалифицированные убийства условно расположены в определенной последовательности в зависимости от признаков состава преступления, а именно признаков объекта, объективной стороны, субъективной стороны и субъекта преступления. Соответственно считаем целесообразным рассмотреть особенности квалификации убийств с отягчающими обстоятельствами, придерживаясь данной последовательности, уделив внимание тем видам убийств, которые вызывают больше всего споров научной доктрине и в судебной практике.

Начать нужно с убийства двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), где в качестве повышающего вину обстоятельства указываются не качественные специальные характеристики потерпевшего, а количественные.

Один из основных спорных моментов при квалификации данного преступлений связан с совершением убийства двух и более лиц, совершенное в разное время и при отсутствии единого умысла на одновременное лишение жизни двух и более лиц, что вытекает из действующей редакции ч. 1 ст. 17 УК РФ. При этом термин «преступление» в ч. 1 ст. 17 УК, как отмечает П.С. Яни, нужно понимать как деяние, обладающее признаками самостоятельного

состава, но самостоятельно не квалифицируемое, поскольку оно является лишь частью преступления, предусмотренного статьей Особенной части. Соответственно, каждый из совершенных лицом актов умышленного причинения смерти не заслуживает «звания» преступления, это лишь один из эпизодов единого преступления, образующего квалифицированный состав убийства двух и более лиц¹.

Соответственно в нынешней редакции Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1, в п. 5 приведено разъяснение следующего содержания: «В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден».

«Рекомендация квалифицировать по п. «а» убийства двух или более лиц, когда они совершены в разное время и при отсутствии единого умысла, - оценивал данный подход Пленума Г. Борзенков, - это вынужденный шаг, чтобы нейтрализовать или минимизировать недостатки законодательного решения о непризнании квалифицирующего значения неоднократных убийств... Поскольку убийство двух и более лиц является единым преступлением, его нельзя расчленять на эпизоды с самостоятельной квалификацией каждого»².

Нужно отметить, что суды задолго до внесения Пленумом рассматриваемых изменений в п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1 были сориентированы высшим судебным органом на замену в квалификации нескольких убийств исключенного из ч. 2 ст. 105 УК пункта «н» на пункт «а». В практикообразующем решении Верховный Суд указал:

¹ Яни П.С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. – 2017. - №6. – С.25-30.

² Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие. - М., 2008. - С. 48-49.

«Московским областным судом Ныренков... осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ и п. п. «б», «к», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор суда изменила по следующим основаниям. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из ч. 2 ст. 105 УК РФ исключен пункт «н», в связи с чем Судебная коллегия переквалифицировала действия осужденного с п. п. «б», «к», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ на п. п. «а», «б», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство двух лиц при отягчающих обстоятельствах»¹.

А.С. Яни отмечает, что убийство двух и более лиц нельзя рассматривать как единое продолжаемое преступление, то есть речь идет о едином преступлении, но не едином продолжаемом².

Далее автор пишет, что от того, признаем ли мы конкретное убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением, зависит решение ряда вопросов уголовной ответственности, в том числе вопроса о возможности вменения данного квалифицированного состава в случае, когда лицо совершает второе убийство по истечении установленных в ст. 78 УК сроков. В частности, когда первое деяние, признаки которого отвечают описанию состава убийства в ч. 1 ст. 105 УК, совершено более чем за 15 лет до второго³. По мнению А. Коробеева, «если истек срок давности привлечения к уголовной ответственности за предыдущее убийство, то последующее убийство не может квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК»⁴. Противоположная позиция состоит в том, что «понимание преступления, совершенного в отношении двух и более лиц, как единого преступления, совершенного в различное время и при отсутствии единого умысла,

¹ Пункт 1 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 4 квартал 2003г. от 7 апреля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2004. - №7; Кассационные определения Верховного Суда РФ от 9 февраля 2004г. №6-о04-4сп, от 3 августа 2004 г. №5-О04-103 // <http://www.consultant.ru/>

² Яни П.С. Указ. соч. С.25.

³ Там же. С.26.

⁴ Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. - М., 2012. – С. 120.

фактически исключает возможность исчисления сроков давности за совершение первого преступного деяния»¹.

П.С. Яни, не соглашаясь с позициями указанных ученых, пишет, что учитывать истечение сроков давности за первое убийство как обстоятельство, исключающее вменение убийства двух лиц, можно лишь в случаях, когда оба убийства мы не признаем эпизодами единого продолжаемого преступления. Но если мы, встав на господствующую в доктрине и судебной практике позицию, станем рассматривать оба убийства как посягающие на общий объект – «жизнь вообще» (отрицая, стало быть, наличие у убийства узконепосредственного объекта) и установим единый умысел на убийство двух лиц, то должны будем признать: срок давности привлечения к ответственности за оба эти преступления начнет течь только с момента совершения второго убийства, а потому действия виновного в обсуждаемом случае подлежат квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Одной из самых острых на сегодняшний день является проблема квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а именно убийство малолетнего или иного лица, находящегося заведомо для виновного в беспомощном состоянии. В связи с этим представляет интерес изучение сущностных аспектов и особенностей правоприменительной практики в этой области, выявление пробелов в праве и предложения их устранения.

Данный вид преступления характеризуется повышенной общественной опасностью, поскольку совершается с особым цинизмом и жестокостью в отношении людей, которые неспособны защитить себя от насилия или иным образом уклониться от грозящей им опасности и спасти себя от смерти.

Для квалификации по данной норме требуется сначала установить беспомощность лица, а затем установить тот факт, что виновный знал об этом и умышленно этим воспользовался.

¹ Карпов К. Значение толкования признака совершения преступления «в отношении двух и более лиц» для квалификации и назначения наказания // Уголовное право. - 2016. - №2. – С.40-48.

Представляется, что признание лица беспомощным как квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 105 УК РФ) должен решать исходя из обстоятельств дела в каждом конкретном случае. Что же подразумевает понятие беспомощности? Беспомощность на практике предусматривает то, что потерпевший заведомо не мог оказать сопротивление грозящей угрозе его жизни.

Оценка неспособности оказать должное сопротивление – вопрос факта, который решает суд. Вывод о способности оценивать и осознавать происходящее делает непосредственно суд.

Долгое время дискуссионным оставался вопрос следует ли считать состоянием беспомощности пребывание во сне. Верховный суд не высказал единой позиции на этот счёт. Однако практика показывает, что такие дела не квалифицируются по п. «в» ст. 105 УК РФ. Такого же мнения придерживались и региональные суды. Принимая во внимание повышенную общественную опасность подобных действий, можно не согласиться с такой точкой зрения. Думается, что нет необходимости исключать этих лиц из списка беспомощных. Мы считаем, что Верховному Суду РФ следовало бы применять именно такую практику и высказать свою позицию более определённо.

Следственным органам необходимо доказать, что насильственные действия по приведению потерпевшего в беспомощное состояние были подготовкой к убийству.

Так, по приговору суда присяжных Саратовского областного суда Ф. и Н. были признаны виновными в убийстве и разбойном нападении. Жертву они сначала связали, а затем убили. Суд квалифицировал преступление по п. «в», ч. 2 ст. 105 УК РФ. Кассационная инстанция исключила такую квалификацию, поскольку до беспомощного состояния потерпевший был доведён в процессе убийства самими виновными.

Также нельзя применять данную квалификацию, если виновный сам приводит потерпевшего в беспомощное состояние (спайивание алкоголем,

сильнодействующим снотворным, наркотиками и т.д.). Это связано с тем, что для данной квалификации необходимо, чтобы виновный заведомо знал о беспомощном состоянии потерпевшего и предполагал, что тот не окажет ему никакого сопротивления ввиду своей беспомощности¹.

Следующий «проблемный» состав квалифицированного убийства предусмотрен п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, является квалифицирующим обстоятельством, увеличивающим общественную опасность деяния, так как помимо причинения смерти беременной женщине, одновременно происходит посягательство на жизнь плода – на жизнь будущего человека. Однако при исследовании судебной практики по данному вопросу А.Н. Попов отмечает, что деяния виновного будут квалифицироваться по последствиям, наступившим исключительно в отношении матери ребенка, при этом, абсолютно не принимая во внимание последствий в отношении плода, что с точки зрения автора является недопустимым².

Беременность женщины – это установленное законом обстоятельство, которое указывает на повышенную общественную опасность деяний, направленных на умышленное причинение смерти лицам, к которым относится данный признак, и при совершении подобного действия или бездействия виновный (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) будет нести более суровую ответственность, в отличие от простого убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. По мнению некоторых ученых, такая усиленная уголовно-правовая ответственность закреплена законодателем в целях защиты еще одного объекта посягательства – репродуктивного права матери³. При глубоком анализе данного предположения возникают определенные

¹ Резепкин О. Ю. Особенности квалификации преступлений, посягающих на свободу человека // Уголовное право. – 2003. – №2. – С. 28-31.

² Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 346.

³ Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 345.

проблемы: в результате совершения преступления репродуктивной функции матери, а именно способности зачать, выносить и родить ребёнка может быть не причинён вред, что порождает новые дискуссии об объекте посягательства. Представляется правильной точка зрения о том, что этим дополнительным объектом должна быть жизнь плода.

Определенную сложность вызывает тот факт, что в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1 правоприменитель не дает четких указаний и разъяснений по применению п. «г» ч. 2 ст.105 УК РФ, что в свою очередь говорит об отсутствии единого мнения у ученых и единого способа применения судами указанной уголовно-правовой нормы.

Осведомленность виновного о беременности женщины, а также заведомость данного знания является обязательным условием для вменения п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживает критерий заведомости знания, что уже затрагивалось в предыдущей главе. В настоящее время в юридической литературе представлено несколько точек зрения по вопросу содержания субъективной стороны данного вида убийства, а именно степень конкретности знания о наличии беременности. Преобладающая точка зрения определяет заведомость как достоверное знание виновного о наличии беременности, альтернативная говорит о том, что если у виновного нет полной уверенности в том, что объектом посягательства является беременная женщина, имеет место безразличное отношение к данному факту, а также косвенный умысел на совершение преступления по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Исходя из следственно - судебной практики к обстоятельствам, которые могут указывать на осведомлённость преступника можно отнести: проведенное УЗИ (отметка в обменной карте беременной), записи телефонных переговоров (близких, друзей, работодателя) либо совместные походы к врачу.

Также следует отметить, что квалификация деяний п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ не зависит ни от срока беременности потерпевшей, ни от источника осведомления виновного.

Определенную сложность представляют случаи при совершении фактической ошибки относительно объекта посягательства, это ситуации при которых виновный заведомо предполагает о беременности женщины и убивает её, а затем становится известно, что потерпевшая не была беременна.

Данный случай является довольно дискуссионным вопросом в юридической литературе, на разных этапах развития науки уголовного права ученые придерживались 4 основных точек зрения на решение данного вопроса.

Одним из вариантов квалификации была ч. 1 ст. 105 УК РФ, которая предусматривает ответственность за простое убийство. Она в точности описывает фактический результат деяний виновного. Однако при подобной квалификации утрачивается весомая часть субъективной стороны преступления, так как действия виновного были направлены на причинение смерти беременной женщине и являются более общественно опасными деяниями, следовательно, при подобной квалификации не соблюдаются принцип вины и принцип справедливости.

Другим вариантом квалификации является ч. 2 ст. 105 УК РФ¹, которая в отличие от первой точки зрения полностью охватывает субъективную сторону деяния, однако тоже подвержена критике, так как имеют место не все признаки состава преступления – отсутствует потерпевший (беременная женщина), более того субъекту преступления вменяют то, что он по факту не совершал (он убил не беременную женщину), что тоже противоречит принципам уголовного права и не подлежит применению.

¹ Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 1999. - С. 356.

Третья точка зрения предусматривает применение ч. 3 ст. 30 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹, подразумевая покушение на убийство беременной женщины. Данная квалификация в полной степени отражает направленность умысла. Однако в свою очередь пренебрегает фактическими обстоятельствами дела. Ведь если деяния виновного квалифицировать только как покушение на жизнь, за пределами рассмотрения остается факт причинения смерти потерпевшей.

На наш взгляд, наиболее полно и точно охватывает умысел и деяния субъекта преступления квалификация по совокупности ч. 3 ст. 30 УК РФ со ссылкой на п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ. В данном случае через покушение отражается умысел виновного, а ч. 1 ст. 105 УК РФ охватывает осуществляемые виновным действия, направленные на причинение смерти.

2.2. Особенности квалификации убийств в зависимости от способа совершения

Среди квалифицированных убийств, где в качестве обязательного признака объективной стороны указывается на «особый» способ совершения преступления, наибольшей распространенностью в судебной практике обладает преступление, предусмотренное п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ

Термин «особая жестокость» в уголовном законе используется достаточно часто. Законодатель применяет его главным образом в качестве квалифицирующего признака наиболее важных и тяжких по характеру и степени общественной опасности преступлений, таких как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, изнасилование и насильственные действия сексуального характера. Кроме того, законодатель указывает на особую

¹ Рагоз А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - М.: Проспект, 2015. – С.60.

жестокость как на одно из обстоятельств, отягчающих наказание (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что свидетельствует о том, что ее признаки могут учитываться фактически при совершении любого преступления. Однако ни определения, ни описания основных характеристик данного понятия Уголовный кодекс РФ не содержит.

В науке уголовного права и правоприменительной практике существуют разные толкования термина «особая жестокость». Их анализ показал, что многие авторы практически единодушно в качестве основной характеристики проявленной при совершении преступления особой жестокости указывают на страдания, испытываемые потерпевшим. Однако мнения о характере и (или) степени таких страданий существенно расходятся.

Так, для О.В. Артюшиной это сильные физические или психические страдания¹.

Т.А. Плаксина указывает на исключительно тяжкие страдания², Н.П. Попова выделяет исключительные физические и психические страдания³, Д.Т. Шайкенова пишет о чрезвычайных страданиях⁴. Ю.М. Антонян определяет жестокое поведение как «намеренное и осмысленное причинение другому человеку мучений и страданий ради них самих или достижения других целей либо как угрозу такого причинения, а также действия, совершая которые субъект допускал, или должен был предвидеть, что подобные последствия наступят»⁵. А вот еще одна точка зрения: «Особая жестокость – это сопровождающее или следующее за насильственным преступлением, не

¹ Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Н. Новгород, 2011. - С. 8.

² Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография. - Барнаул, 2006. - С. 244.

³ Попова Н.П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью: дис. ... канд. юр. наук. - М., 2005. - С. 24.

⁴ Шайкенова Д.Т. Убийство, совершенное с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юр. наук. - М., 2011. - С. 8.

⁵ Антонян Ю. М. Психология убийства. - М., 1997. - С. 14.

обязательное для его совершения и наступления обычных для него последствий, умышленное действие (или бездействие), состоящее в причинении потерпевшему или его близким дополнительного, как правило, тяжелого, физического или психического страдания»¹.

К сожалению, такие описания страданий не вносят ясности в понимание особой жестокости.

Высшая судебная инстанция также не оставила без внимания вопрос толкования особой жестокости при совершении преступлений отдельных категорий. В частности, в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1 и п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»² страдания рассматриваются как одна из основных характеристик проявленной при совершении преступления особой жестокости. Однако характер страданий определяется по-разному. В первом из упомянутых постановлений правоприменитель говорит об особом характере страданий, тогда как во втором, помимо указания на особый характер, употребляет и иные описания страданий: «тяжелые физические» либо «нравственные».

При таком многообразии существующих в науке уголовного права и практике высшей судебной инстанции подходов к описанию страданий интерес представляет правоприменительная практика судов общей юрисдикции.

Использование при описании страданий таких формулировок, как «особенно сильные», «особо мучительные», «исключительно сильные», «длительные», «многократные» или «сильные», на наш взгляд, нецелесообразно. Все приведенные варианты можно свести к единому «знаменателю», более общему, родовому понятию – «особые страдания». И

¹ Закалюк А. П., Жарый В. Д., Ковальский В. С. и др. Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования). - Киев, 1989. - С. 8.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. - №2

подтверждением тому является аргументация правоприменителя, который в подавляющем большинстве исследованных судебных решений указывает только на особые страдания. Применение иных характеристик страданий, таких как «тяжелые», «дополнительные», «исключительные» и иные, не вносит ясности в понимание особой жестокости.

В свою очередь указание в судебной аргументации при вынесении обвинительного приговора только на страдания без уточнения степени их проявления также представляется неправильным, так как для преступлений, совершенных с особой жестокостью, характерны страдания особого рода, которые отличаются от обычных, свойственных практически любому преступлению.

Представляется, что выделение страданий именно как особых для характеристики преступлений, совершенных с особой жестокостью, является оправданным и устоявшимся в правоприменительной практике.

Возникает закономерный вопрос: можно ли признать выражением особой жестокости бездействие виновного и подтверждает ли ее причинение потерпевшему большого числа телесных повреждений?

Как отмечает И.Ш. Вараев, такое «жестокое» убийство зачастую происходит из-за активного поведения виновного, но в некоторых случаях может произойти и в результате бездействия (например, мать оставила ребенка на долгое время в закрытой квартире без воды и пищи и смерть ребенка наступила из-за истощения и обезвоживания организма)¹.

Субъективные признаки особой жестокости свидетельствует об осознании виновным того, что он совершает убийство за счет причинения мучений и страданий потерпевшему и желает либо сознательно допускает причинение смерти потерпевшему особо жестоким способом.

Убийство с особой жестокостью совершается как с прямым, так и с косвенным умыслом причем косвенный умысел применим только к

¹ Вараев И.Ш. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. - СПб, 2018. – С.55-57.

наступлению последствий в виде смерти потерпевшего, подвергнутого осознанному применению особо жестокого способа воздействия¹. Однако есть авторы, считающие, что данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Так, С.Н. Дружков пишет, что «при вменении данного пункта в первую очередь должно быть точно доказано, что преступник, совершая убийство, применял виды жестокости специально для причинения физических и психических страданий жертвы или же его родственников и близких»².

Для квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ не имеет значения причина наступления смерти: применение пыток, истязания, совершение глумления или нанесение последнего смертельного удара.

Нанесение множества телесных повреждений потерпевшему является основанием для квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если виновный, нанося множество телесных повреждений, осознавал, что причиняет ему особые страдания и мучения в процессе лишения жизни.

Это обусловлено тем, что при совершении убийства большое количество ранений преступник мог нанести, прибывая в состоянии возбуждения, пытаясь довести до конца задуманное деяние.

Какие же причины влияют на поведение преступника и толкают его на совершение столь опасного и жестокого деяния? Установлено, что на такое проявление человеком жестокости влияют многие факторы, одними из них выступают акцентуация характера и психические патологии человека.

Напомним, что акцентуация характера или акцентуация личности – чрезмерное усиление отдельных черт характера. Эта особенность личности определяет поведение и поступки, накладывает отпечаток на все сферы ее деятельности: отношение к себе, к окружающим, к миру. Акцентуация

¹ Нешатаев В.Н., Векленко В.В. Понятие квалификации преступлений // Российский следователь. - 2015. - №21. - С. 26-29.

² Дружков С.Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики: дис. ...канд. юр. наук: - Екатеринбург, 2002. – С.56; Константинов П. Субъективная сторона убийства с особой жестокостью // Российская юстиция. - 2004. - №4. - С. 41.

является крайним вариантом нормы и не считается психическим расстройством или заболеванием¹⁸. Психическую патологию характеризуют как выход за оптимальные границы нормы, связанной с изменениями наиболее приемлемой меры адаптационной саморегуляции высокоорганизованного живого существа или с чрезвычайными внешними влияниями.

Еще одним фактором, влияющим на проявление человеком жестокости является алкоголь. В состоянии алкогольного опьянения человек теряет ощущение реальности, может проявлять особую агрессивность и вспыльчивость, безжалостность и цинизм, человек полностью теряет контроль над своим разумом и поведением, что ведет к обострению мотива совершения убийства с особой жестокостью. Немаловажную роль играет и низкий материальный уровень населения, а также пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации и т.д.

Еще один признак, который характеризует особую жестокость – временной период (длительность) в течении которого совершалось преступление. Чем длиннее данный отрезок времени, тем больше мучений и страданий было причинено потерпевшему.

Под убийством, совершенным с особой жестокостью, понимается также лишение жизни потерпевшего в присутствии близких ему лиц, когда виновный осознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания¹. Близкими к потерпевшему признаются родственники и другие лица, которым убийство причиняет особые страдания.

Убийство лица в присутствии малолетних детей квалифицируется по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если потерпевший связан с малолетними родственными отношениями (его собственные дети, усыновленные дети, дети близких родственников). Убийство в присутствии чужих детей не подлежит квалификации по признаку особой жестокости.

¹ Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Пресс, 2003. - С. 898.

Об особо жестоком способе убийства может свидетельствовать одно ранение, опасное для жизни, если после его причинения потерпевшему не оказана медицинская помощь.

Глумление над трупом, когда виновный осознавал наступление смерти потерпевшего, не является убийством с особой жестокостью и квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ст. 244 УК РФ. Если умысел на убийство возник после пыток, истязаний или глумления над потерпевшим, содеянное квалифицируется по правилам реальной совокупности: по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ст. 117 УК РФ.

Полагаем, что убийство, совершенное с особой жестокостью следует характеризовать по определенным признакам.

Во-первых, это избранный виновным способ убийства (применял ли виновный яд, который имел мучительное действие, совершил ли сожжение заживо или же воспользовался другими методами и способами, которые заведомо были связаны с причинением потерпевшему особых страданий).

Во-вторых, это обстановка совершения преступления (совершалось ли убийство в присутствии близких, родных потерпевшего, было ли лицо беспомощным, имело ли какие-либо физические или психические особенности заболевания и т.д.); какое взаимоотношение было между виновным и потерпевшим.

В-третьих, что является очень важным, каково было поведение виновного до совершения убийства с особой жестокостью, т.е. применял ли виновный пытки, издевательства или другие способы причинения страданий по отношению к потерпевшему.

Убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Законодатель признает убийство, совершенное общеопасным способом, самостоятельным видом квалифицированного убийства не по признаку посягательства на жизнь двух и более лиц, а по признаку реальной опасности для жизни других лиц в зависимости от применения выбранного преступником способа убийства.

Под общеопасным способом убийства понимается такой способ, применение которого заведомо для виновного может привести к смерти не только конкретного человека, но и хотя бы еще одного лица. В качестве общеопасных способов убийства признаются взрыв, поджог, производство выстрелов в местах нахождения людей, отравление воды и пищи, использование источников повышенной опасности и т.п.

При квалификации действий виновного по данному признаку необходимо установить, что выбранный способ убийства создавал реальную, а не мнимую или предполагаемую объективную опасность для жизни других людей и виновный осознавал, что примененный им способ убийства угрожает жизни не только намеченной жертвы, но и других лиц, а также причинение смерти было очевидным в данных условиях. При отсутствии реальной опасности для жизни других лиц вменение в вину п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ недопустимо.

Подобная позиция вытекает из материалов судебной практики:

Так, Верховным Судом Удмуртской Республики П. был признан виновным в убийстве З., совершенном общеопасным способом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 5 апреля 1994 г. приговор в отношении П. изменила, переквалифицировав его действия на простое убийство по следующим основаниям: «..как установил суд первой инстанции, П. произвел прицельный выстрел в З. с близкого расстояния (1,5 - 2 м), поэтому находившаяся рядом с З. жена П. ранения не получила. Таким образом, следует признать, что квалификация убийства как совершенного способом, опасным для жизни многих людей, возможна в том случае, когда опасность для жизни многих людей была реальной, а не предполагаемой»¹.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 1994г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. - №11.

В другом случае суд действовал аналогично. Так, по приговору Красноярского краевого суда от 15 мая 2001 г. С. был осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п. п. «а», «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Он признан виновным в убийстве с особой жестокостью и покушении на убийство двух лиц общеопасным способом, с особой жестокостью.

Президиум Верховного Суда РФ 27 апреля 2005 г. квалификацию действий С. по п. п. «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ признана неправильной, указав следующее:

«По смыслу уголовного закона под общеопасным способом убийства понимается такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица. Если же умыслом виновного охватывалось убийство лишь двух лиц, и при этом реальной опасности подвергались только эти двое потерпевших, действия виновного квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ»¹.

Для квалификации по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ важное значение имеют установление поражающих характеристик оружия, место совершения преступления, последствия воздействия общеопасного способа на жизнь и здоровье других лиц, а также осознание виновным возможности причинения смерти другим лицам.

Если в результате применения виновным общеопасного способа убийства причинена смерть другим людям либо причинен вред их здоровью, ущерб имуществу или уничтожен (поврежден) лес, содеянное квалифицируется по правилам реальной совокупности.

В заключение необходимо сделать следующие выводы:

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2005г. №182п05 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. - №11.

При квалификации убийства, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст.105 УК РФ необходимо учитывать разъяснения, даваемые в настоящее Пленумом Верховного Суда РФ в части совершения данного преступления одновременно или в разное время в отношении двух и более лиц, при наличии или отсутствии единого умысла.

В целях единообразного формирования судебной практики, необходимо в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» внести разъяснение следующего содержания: «Заведомость предполагает, что виновный знает и субъективно убежден в беременности потерпевшей, у него отсутствуют сомнения в том, что она беременна».

Убийство, совершенное с особой жестокостью следует характеризовать по определенным признакам, рассмотренным выше.

ГЛАВА 3. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ С ОТЯГЧАЮЩИМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ

3.1. Особенности квалификации убийств в зависимости от специальных мотивов и целей

В ч. 2 ст. 105 УК РФ содержится четыре состава убийств, где в качестве обязательного признака субъективной стороны фигурирует «специальный» мотив и два вида убийств со специальной целью.

Прежде чем приступить к анализу квалифицированных убийств со «специальными» мотивами, целесообразно разобраться в этимологии данного термина.

Согласно словарю по психологии, «мотив – побуждение к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность. Осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности»¹.

В уголовном праве, мотив трактуется, как обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у субъекта решение совершить преступное деяние и которыми он руководствовался при его совершении. Однако, в настоящее время в науке уголовного права отсутствует единая точка зрения о содержании мотива преступления.

В действующем УК РФ не содержится понятие мотива преступления и, в основном, он обозначается такими словами, как побуждение либо заинтересованность.

¹ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – С.219.

Такое редкое упоминание мотива преступления происходит из-за того, что ранее в уголовном законодательстве применялось объективное вменение и субъективной стороне преступления уделялось мало внимания, а законодательство еще находится в процессе формирования.

Первым в списке убийств со специальным мотивом является убийство по мотивам кровной мести, предусмотренное в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Материалы опубликованной судебной практики по данному виду убийств не отличаются многообразием. При этом на практике и в теории вопросы квалификации данного деяния по признакам субъекта решаются, на наш взгляд, не всегда верно.

В литературе достаточно распространена точка зрения, что субъекта убийства по мотивам кровной мести следует считать специальным, поскольку, как указывают авторы, им может выступать исключительно лицо определенной национальности и этнической группы, где существует обычай кровной мести¹.

В частности, Г. И. Чечель и Н. Г. Рахматуллина указывают, что субъект убийства, совершенного по мотиву кровной мести, отличается от иных субъектов убийства тем, что он должен принадлежать к той группе населения, где признается обычай кровной мести, сохранившийся в сознании людей, и именно в силу указанного обычая совершаются убийства². Подобной позиции придерживается и Шульгин С. И., указывая, что «субъект специальный, т. е. физическое вменяемое лицо, достигшее 14-ти летнего возраста, принадлежащее к той группе населения, которая признает кровную месть и соблюдает эти обычаи»³.

Однако, исходя из нашей позиции, вышеуказанные утверждения

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2015. – С.413; Чечель Г.И., Рахматуллина Н.Г. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести. - Ставрополь, 2005. - С. 126.

² Чечель Г. И., Рахматуллина Н. Г. Указ. соч. С.123.

³ Шульгин С. И. Проблемы квалификации убийства по мотиву кровной мести. // Вестник НГУ. Серия: Право. - 2011. - №1. - С. 190-193.

вызывают определенные возражения. Мнения об обязательности принадлежности субъекта к определенной этнической группе не основана на буквальном толковании нормы права, закрепленной в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Ибо в рассматриваемом случае принципиальное юридическое значение имеет именно мотив преступления. Так, по мнению С. В. Склярова, мотив представляет собой внутреннюю потребность, побуждающую человека (субъекта преступления) к совершению преступного деяния, которая формируется под воздействием элементов внешнего мира¹. Мотив, в свою очередь, является характеристикой субъективной стороны состава преступления, а не субъекта. Также в данном случае отметим, что позиция высшего судебного органа по уголовным делам исходит из того, что «по смыслу закона убийство по мотивам кровной мести имеет место в том случае, когда виновное лицо, разделяющее и признающее данный обычай, лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его»². То есть необходимо установить, что виновное лицо признает и разделяет обычай кровной мести и намеревается лишить жизни потерпевшего именно по мотиву кровной мести, что является критерием субъективной стороны преступления.

Ряд исследователей³, в свою очередь, считают, что необходимо исходить не из национальной принадлежности виновного лица, а из того, признает ли оно обычай кровной мести и, самое главное, следует ли ему. Следовательно, в основу признания убийства совершенным по мотиву кровной мести должно быть положено осознанное стремление виновного соблюсти обычай, что входит в субъективную сторону преступления, а не его национальная принадлежность. Более того, некоторые авторы⁴ считают точку зрения о специальном субъекте, принадлежащем к одной из

¹ Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С.117.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 сентября 2007 г. №299 – П07 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2007. - №7.

³ Маркарян С. А. Совершение преступления по мотиву кровной мести. // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. - 2014. - №5. - С. 81-83.

⁴ Лаптев Д. Б., Танасейчук Я.В. К вопросу о субъекте убийства по мотиву кровной мести. // Уголовное право. - 2017. - №3. - С. 44-47.

определенных групп населения, имеющей явный дискриминационный оттенок. Так как создаются предпосылки для неоднозначного и избирательного применения норм уголовного закона. То есть существуют национальности, представители которых всегда могут рассматриваться в качестве субъекта, изучаемого в представленной работе состава преступления, и, напротив, есть национальности, которые никогда не могут руководствоваться мотивом кровной мести, и, как следствие, не попадают под признаки субъекта убийства по мотиву кровной мести.

На основании вышеизложенного выразим согласие с точкой зрения тех авторов, которые указывают, что субъектом убийства по мотиву кровной мести может быть любое лицо, вне зависимости от национальной принадлежности. Соответственно, субъект преступления – общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет. Однако, несмотря на то, что субъект является общим, у данного элемента состава преступления есть свои особенности, которые, полагаю, следует рассмотреть.

Во-первых, виновное лицо должно признавать обычай кровной мести и руководствоваться им как в момент совершения преступления (начало выполнения объективной стороны состава преступления), так и на стадии приготовления к совершению общественно опасного деяния (например, приискание орудия убийства, изучение распорядка дня потерпевшего и т.д.).

Во-вторых, субъект преступления испытывает личные враждебные чувства к потерпевшему и лишает его жизни (совершает преступление, предусмотренное п. «е.1» ч.2 ст. 105 УК РФ) в силу обычая.

В-третьих, субъектом, как правило, является лицо, наделенное согласно обычаю правом кровной мести (то есть лицо, которому причинена обида). Однако, как замечает профессор Н. И. Загородников, убийство может быть признано совершенным по мотиву кровной мести и в том случае, когда лицо, его совершившее, не будучи лично обиженным, совершает убийство за

другое, близкое ему лицо¹ ((например, когда лицо, которому нанесена обида, по каким-либо причинам не может исполнить обычай лично).

Смещение акцента при характеристике «специальности» субъекта убийства по мотиву кровной мести от этнического происхождения в сторону необходимости установления факта признания виновным обычая кровной мести тем не менее не свидетельствует о том, что упомянутые авторы отказываются от такого условия квалификации убийства по мотиву кровной мести, как этническая принадлежность виновного лица. По мнению ряда исследователей, для применения п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК необходимо установить, что преступник обладал всеми признаками субъекта кровной мести (принадлежал к той группе населения, которая признает кровную месть), признавал обычай кровной мести и руководствовался им при совершении убийства².

По поводу необходимости установления факта признания виновным обычая кровной мести у нас принципиальных возражений нет. Вполне логично и то, что преступник, разделяющий и руководствующийся обычаем кровомщения при совершении убийства, совершает данное деяние по мотиву кровной мести. Представляется, что указанные обстоятельства (восприятие взглядов на справедливость обычаев кровной мести и готовность им следовать) имеют не самостоятельное значение, влияющие на квалификацию, а исключительно доказательственное значение, позволяющее установить то, что счел важным для квалификации законодатель – мотив кровной мести.

Более того, описанные выше обстоятельства относятся к признакам субъективной стороны преступления, а не субъекта преступления, что свидетельствует о невозможности на основе указанных признаков относить субъекта рассматриваемого преступления к специальному.

¹ Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. - М., 1961. – С.140.

² Даурбеков А.А., Ужахов А.С. Дискуссионные вопросы понятия и квалификации убийств по мотиву кровной мести // Российский следователь. - 2013. - №15. - С. 23.

Принципиальные возражения вызывает позиция авторов, указывающих на специального субъекта убийства по мотиву кровной мести исходя из необходимости обязательного установления этнического, национального происхождения виновного, т.е. его принадлежности к определенной группе населения, которая признает кровную месть. Подобная позиция не основана на буквальном толковании п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, где исключительно мотив, т.е. характеристика субъективной стороны, имеет юридическое значение, а не принадлежность виновного к какой-либо социальной группе. По всей видимости, авторы при толковании рассматриваемой нормы исходят из того, что сама суть запрещенного деяния предполагает: его может совершить исключительно лицо, принадлежащее к определенной национальности.

Иными словами, авторы полагают, что мотив кровной мести устанавливается не только на основе тех обстоятельств, что виновный признавал и в момент совершения преступления руководствовался обычаем кровной мести, но и при условии принадлежности виновного к определенной группе населения.

Если следовать этой логике и развивать ее, то получится, что существуют национальности, представители которых всегда могут рассматриваться в качестве субъекта убийства по мотиву кровной мести, и, напротив, существуют национальности, представители которых никогда не могут руководствоваться мотивом кровной мести и, соответственно, не могут отвечать признакам субъекта рассматриваемого преступления.

Полагаем, что подобный подход имеет явный дискриминационный оттенок, поскольку в таком случае при применении норм уголовного закона создаются предпосылки для избирательного отнесения отдельных национальностей к «особым», способным не просто на порочную мотивацию, но и на такую, которая признается государством, дифференцирующим ответственность, существенно ее усиливающим обстоятельством.

Критикуемая нами позиция авторов не соотносится с принципом, изложенным в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, согласно которому государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

К подобному выводу пришла Л. Шнайдер, которая в своей диссертации указала, что при необходимости установления принадлежности виновного к определенной национальной группе населения, которая признает обычай кровной мести, имеет место определенное нарушение принципа равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности¹.

На основании изложенного согласимся с позицией авторов, указывающих, что субъектом убийства по мотиву кровной мести может быть любое лицо, независимо от национальной принадлежности². Для квалификации убийства по мотиву кровной мести важно установить именно мотив кровной мести. Национальные, этнические признаки лица, совершившего убийство, имеют лишь доказательственное значение для установления мотива преступления и не имеют самостоятельного значения для уголовно-правовой квалификации убийства по мотиву кровной мести. Соответственно, субъекта рассматриваемого преступления необходимо считать общим, это физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

На практике в подавляющем большинстве случаев убийство по мотиву кровной мести совершается с прямым умыслом, однако теоретически

¹ Шнайдер Л.Г. Преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести в уголовном праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юр. наук. - М., 2006. – С.121.

² Шолько М.А. Особенности предварительного расследования убийств, совершенных по мотиву кровной мести и кровной вражды: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Ижевск, 2007. – С.7.

возможна квалификация по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ и при косвенном умысле виновного к смерти потерпевшего. Так, Т. В. Кондрашова отмечает: «Поскольку обычай кровной мести предполагает не только причинение смерти кровнику, но в весьма редких случаях — причинение ему увечья, то убийство по мотиву кровной мести может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом»¹.

Убийство по мотиву кровной мести (п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ) необходимо отграничивать от «простого» убийства по мотиву мести, возникшей на почве личных отношений (ч. 1 ст. 105 УК РФ), и различие между ними, на наш взгляд, в основании возникновения мести. В первом случае — это соответствующий обычай кровной мести, во втором — «личная» месть, базирующаяся на неприязни убийцы к жертве вне зависимости от обычая кровной мести.

Конечно, при лишении жизни жертвы в соответствии с обычаем кровной мести в действиях лица может присутствовать и месть «личная», особенно если потерпевший является непосредственным обидчиком рода убийцы, однако потерпевшим здесь может быть и постороннее лицо (брат обидчика и т. д.), и тогда уже виновный, действующий в соответствии с обычаем кровной мести, не испытывает личную неприязнь к жертве, а выполняет свою «обязанность» отомстить за нанесенную обиду. И в том, и в другом случае для квалификации по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что убийство было совершено по мотиву кровной мести (при этом наличие/отсутствие в действиях лица мести, возникшей на почве личных отношений, не влияет на квалификацию).

Основанием для обиды, влекущей кровную месть, может послужить широкий спектр обстоятельств (не только противоправное деяние, как отмечают некоторые авторы б), и определяется он обычаями того или иного народа.

¹ Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. — Екатеринбург, 2000. - С. 127.

По свидетельству А. Н. Маменовского, по адатам осетин, кровная месть полагалась за убийство родственника, похищение женщины или насилия над ней, а «самой жестокой обидой считается, если кто при свидетелях убьет собаку и скажет, что убивает ее за принадлежность к такому-то роду покойного; такая обида снимается только убийством. У абхазцев кровная месть полагалась за отказ невесты или ее родителей от условленного заранее брака, а также за развод, вызванный оскорблением или дурной жизнью одного из супругов»¹. Понятие «месть» используется также в конструкциях: ст. 277 УК РФ — «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность»; ст. 295 УК РФ — «Посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность»; ст. 317 УК РФ — «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность».

Мечь, указанная в ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ, является разновидностью мести за осуществление лицом своей служебной деятельности или выполнение общественного долга, о которых идет речь в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

¹Маменовский А. Н. Кровная месть и смертные казни. - Томск, 1909. - С. 32. // <http://lawlibrary.ru/izdanie49187.html>

В п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ говорится о кровной мести, т. е. мести, вытекающей из обычая кровной мести, а в п. «б» ч. 2 ст. 105 и ст. 277, ст. 295, ст. 317 УК РФ — о мести за определенную деятельность потерпевшего (служебную деятельность или выполнение общественного долга, государственную или иную политическую деятельность, законную деятельность в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, законную деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности соответственно). Составы указанных преступлений различаются и по кругу потерпевших: в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ — это любой человек (как правило, мужчина — сам обидчик или его родственники), в ст. 295, ст. 317, ст. 277 и п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ — это исключительно судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, защитник, эксперт, специалист, судебный пристав, судебный исполнитель и их близкие, сотрудник правоохранительного органа, военнослужащий и их близкие, государственный или общественный деятель, а также лицо, осуществившее служебную деятельность или выполнившее общественный долг, или их близкие соответственно.

Уголовной ответственности по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет (как правило, мужчина, наделенный «правом» («обязанный») исполнить обычай кровной мести), по ст. 277, ст. 295, ст. 317 УК РФ — любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ — любое физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Основным объектом убийства по мотиву кровной мести и убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга является жизнь

человека, а в преступлениях, предусмотренных ст. 277, ст. 295, ст. 317 УК РФ, жизнь — дополнительный объект уголовно-правовой охраны. Способ совершения указанных в п. «б» ч. 2 ст. 105 и ст. 277, ст. 295, ст. 317 УК РФ преступлений — любой, способ совершения убийства по мотиву кровной мести, как правило, специфический, например, определенный ритуал лишения жизни. Кроме того, в статьях 277, 295 и 317 УК РФ речь идет о посягательстве на жизнь, т. е. не только о причинении смерти, но и о покушении на жизнь потерпевшего.

Определенным образом с убийством по мотиву кровной мести соприкасается убийство, предусмотренное п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Недаром до 27 июля 2007 года мотив кровной мести был закреплен в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ наряду с мотивом национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды.

В настоящее время в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ альтернативно перечислено несколько видов специальных мотивов - политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Все эти мотивы можно объединит в один мотив – «экстремистский». Соответственно, убийство, предусмотренное п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ относится к числу убийств экстремистской направленности.

В последние годы правоохранительные органы все чаще встречаются с преступлениями экстремистской направленности, о чем свидетельствуют статистические данные ФКУ «ГИАЦ» МВД России о состоянии преступности. Так, за январь-сентябрь 2017 г. совершено 1189 обозначенных преступлений¹, что на 2,4 % превышает аналогичный период прошлого года². Между тем, противодействие экстремизму в России остается направлением

¹ Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2017 года // Статистика и аналитика МВД России // <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800/>

² Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2016 года // <https://мвд.рф/upload/site1/>

работы правоохранительных органов, характеризующимся чрезвычайно низкой научной обоснованностью принимаемых решений, в том числе касающихся квалификации преступных деяний¹.

Самым тяжким из преступлений экстремистской направленности является убийство, совершенное по мотивам политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), которое далее по тексту будет обозначаться как «убийство по экстремистским мотивам».

Некоторые авторы² обращают внимание на довольно расплывчатое понятие экстремистского мотива, акцентируя внимание на наличие положений о «ненависти или вражде» и социальной группе. Представляется, что в данном случае необходимо придерживаться позиции, согласно которой неприязнь является лишь чувством, а вражда – отношением и действием³. То есть в случае совершения убийства по экстремистским мотивам ненависть в виде чувства (отношения) переходит во вражду, то есть в активное действие субъекта преступления. Под социальной группой законодатель предполагает не любую социальную группу, а лишь крупные социальные группы, объединенные одним социальным статусом, национальностью и т.п., о чем говорят, в частности, Ю.С. Пестерева и Е.И. Чекмезова⁴.

Также, исходя из смысла положений п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, можно прийти к выводу, что в данном случае законодатель говорит именно о таких социальных группах, как этнос, нация или же религиозная принадлежность, социальный статус (например, люди без определенного места жительства).

¹ Гордеев Н.С. Аргументация в судебных решениях по «экстремистским делам» как показатель правовой культуры правоприменителя // Правовая культура. - 2016. - №2 (25). - С. 73.

² Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И. Мотивы преступлений экстремистской направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2015. - №1 (60). - С. 56.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 57.

Говоря о субъективной стороне убийства по экстремистским мотивам нельзя не согласиться с позицией Н.А. Лопашенко, которая акцентирует внимание на том, что данное преступление совершается «только с прямым умыслом и специальным мотивом»¹.

При совершении данного вида убийства мотив имеет огромное значение, т.к. он из факультативного элемента состава преступления переходит в обязательный. При совершении убийства по экстремистским мотивам особое значение приобретает положение, предусмотренное п. «2» ч. 1 ст. 73 УПК РФ, обязывающее органы предварительного расследования доказывать мотив преступления.

Н.С. Гордеев обращает внимание на то, что законодатель, включив мотив идеологической ненависти или вражды в перечень экстремистских мотивов, необоснованно расширил круг деяний, которые можно трактовать как экстремистские. Тем самым, в уголовный закон введена терминология, которая не может быть однозначно определена².

Как верно указывают Р.А. Сабитов и П.В. Худяков, «правильное установление экстремистского мотива имеет важное уголовно-правовое значение.

Во-первых, он позволяет понять социальную сущность вины человека и ее степень. Совершение преступления по экстремистским мотивам повышает общественную опасность деяния и личности виновного.

Во-вторых, экстремистский мотив учитывается при квалификации преступления.

В-третьих, по экстремистскому мотиву можно отграничить преступление экстремистской направленности от смежного, сходного с ним

¹ Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С.495.

² Гордеев Н.С. Мотив идеологической ненависти или вражды: к вопросу о проблемах законодательной регламентации и квалификации // Современная юридическая наука и практика: актуальные // Сборник науч. ст. по мат. I Всероссийского форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых, посвященного 85-летию Саратовского юридического института им. Д.И. Курского (15 марта 2016 г.). - Саратов: Юстиция, 2016. - С. 138-144.

преступления»¹.

На практике доказывание экстремистского мотива является острой проблемой, так как встает вопрос: «Что понимать под экстремистским мотивом убийства?», ответ на который обуславливает необходимость уяснения понятий «экстремизм» и «мотив». Наиболее полным и логичным можно назвать определение экстремизма, данное В. Галицким, который считает, что под «экстремизмом следует понимать приверженность отдельных физических лиц, больших и малых социальных групп, общественно-политических организаций, движений и т.п. к радикальным политическим, национальным, религиозным и др. взглядам, позициям и поведению, нелегитимно реализуемых в практике социальной, общечеловеческой деятельности и общении, в целях реформирования, изменения или устранения существующего конституционного строя, устоявшихся общественных отношений (межнациональных, межрелигиозных, религиозных и иных)»².

Под экстремистским мотивом убийства можно понимать побуждение субъекта к деятельности, основанное на приверженности к радикальным (националистическим, политическим, религиозным и т.п.) взглядам, и, потребности в приведении в жизнь радикальных идей, формирующие волевое поведение лица, выражающееся в активных действиях по лишению другого человека жизни³.

Нельзя согласиться с Ю.А. Васильевым⁴, который говорит о том, что, в большинстве случаев, о наличии данного мотива свидетельствуют только

¹ Сабитов Р.А. Расследование преступлений экстремистской направленности: методика и квалификация. - Челябинск, 2010. - С. 42 - 43.

² Галицкий В. Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Обозреватель-Observer. - 2010. - №12. - С. 18.

³ Давыдов А. Б. Проблемы квалификации убийств, совершенных по экстремистским мотивам // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2018. – С.107-110.

⁴ Васильев Ю.А. Отягчающие обстоятельства убийства, относящиеся к субъективной стороне состава преступления // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2006. - №3. - С.103.

показания обвиняемого. Данная позиция лишена какого-либо обоснования, так как, само по себе, процессуальное положение обвиняемого, чаще всего заставляет его занять «оборонительную позицию», а основной целью становится защита от обвинения. Вряд ли вменяемый человек будет свидетельствовать о том, что совершил не простое, а квалифицированное убийство, за которое, соответственно, предусмотрено более суровое наказание. Свидетельствовать о наличии мотива политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы могут говорить и объективные признаки. Так, например, Гапеев А.А., осужденный Приговором Калининградского областного суда № 2-38/2010 2-5/2011 от 28 апреля 2011 г. к лишению свободы, за совершение деяния, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, являлся «участником националистического движения фашистского толка, именующего себя «R.» («P.»), в которую входили лица, причисляющие себя к фашистскому движению «скинхеды»».

Исходя из предпреступного поведения Гапеева А.А. (его членства в националистическом движении фашистского толка), можно сделать вывод: формирование экстремистского мотива произошло задолго до совершения. Следователь при производстве предварительного расследования, изучив личность обвиняемого, его окружение и интересы, может обоснованно прийти к выводу, что убийство совершено именно по экстремистскому мотиву, так как движение, в котором состоял виновный, носило ярко выраженный экстремистский характер.

Также о совершении убийства по экстремистским мотивам могут свидетельствовать высказывания субъекта преступления до его совершения и (или) во время, о чем, соответственно, могут быть осведомлены свидетели и (или) пострадавшие.

Так, Несмачный А.А., осужденный Приговором Санкт-Петербургского городского суда № 2-41/2015 от 24 августа 2015 г. за совершение деяний,

предусмотренных п. «л» ч. 2 ст. 105 ч. 3 ст. 30 п. «л» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 222 УК РФ, непосредственно перед совершением преступления интересовался у свидетелей об их национальной принадлежности. Осужденный выяснял у свидетеля его национальную принадлежность, а также интересовался, сколько выходцев из Средней Азии работает водителями на данном маршруте. Получив от свидетеля информацию о том, что таковых водителей большинство, Несмачный А.А. оскорбительно отозвался о них. Позже, непосредственно после совершения убийства, Несмачный А.А., согласно показаний свидетеля, выкрикивал лозунг «Россия для русских», подняв при этом вверх руки.

При этом, в случае высказывания подозреваемым каких-либо лозунгов (фраз, призывов), имеется необходимость в назначении психолингвистической экспертизы с целью установления отношения субъекта преступления к собственным действиям и их воздействия (в том числе психологического) на иных лиц.

Например, по делу Несмачного А.А. комиссия экспертов пришла к выводу о том, что его высказывания, прозвучавшие как до посягательства, так и после носили характер унижающих достоинство человека по национальному признаку. Тем самым, одним из атрибутов совершения убийства по экстремистским мотивам является наличие каких-либо лозунгов (высказываний) националистического характера, о чем свидетельствует также Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга № 1-34/2016 1-432/2015 от 16 марта 2016 г., вынесенный в отношении Сидоренко А.В., который был приговорен к 9 годам лишения свободы и 1 году ограничения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима, за совершения деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Говоря о квалификации убийства по экстремистскому мотиву, необходимо обратить особое внимание на вещественные доказательства, то

есть материальные носители информации (предметы или документы)¹. К примеру Прокшин А.И., осужденный Приговором Архангельского областного суда № 2-37/2014 от 13 ноября 2014 г. к лишению свободы за совершение деяния, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, размещал на странице в социальной интернет-сети иллюстрации и видеоряд националистического содержания и имел на теле татуировку в виде свастики.

Особого внимания заслуживает отсутствие в проанализированных приговорах дополнительной квалификации по ст. 280 УК РФ или ст. 282 УК РФ. Основываясь на положениях Уголовного кодекса РФ и Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. №11 (пп. 4,6,7), действия Прокшина А.И. по размещению в социальной интернет-сети иллюстраций и видеоряда возможно квалифицировать по ч. 1 ст. 282 УК РФ, то есть как действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично с использованием сети «Интернет». Полагаю, что дополнительная квалификация убийств по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) по статьям 280 и 282 УК РФ дает более конкретную и полную правовую оценку деяний осужденных.

Таким образом, при квалификации деяния лица, как убийства по экстремистским мотивам, следователю необходимо изучить предпреступное поведение (интересы/взгляды) подозреваемого (обвиняемого). Однако, нельзя забывать о том, что вышеуказанные обстоятельства являются лишь косвенными доказательствами убийства по экстремистскому мотиву, помогая установить, что обозначенный мотив лежал в основе непосредственно деяния субъекта.

В настоящее время модной тенденцией стало в любых проявлениях

¹ Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – С.324.

экстремизма находить политическую составляющую, допуская смешение таких видов или форм экстремизма, как политический, националистический, религиозный, молодежный.

Так, Д.Н. Еремин, в целом верно определяющий политический экстремизм в качестве «планирования, организации, подготовки и совершения действий, основанных на отличающихся от конституционных и правовых норм идеологических установках, направленных на насильственное изменение государственной политики, основ конституционного строя государства, нарушение его территориальной целостности, суверенитета, создание в указанных целях незаконных вооруженных формирований и участие в них, а равно для достижения политических целей, посягающих на функционирование механизма государственной власти, общества в целом или какие-либо его элементы»¹, вместе с тем никак не дифференцирует и не отделяет его от экстремизма религиозного или псевдорелигиозного. Полагаем, что образовавшееся терминологическое смешение не позволит в дальнейшем отмежевывать одни действия от других, а неверное толкование субъективного элемента чревато некорректным применением принципов индивидуализации уголовного наказания.

Как отмечает А.Е. Хорошева, экстремизм может быть вербальным, т.е. словесным, и невербальным - насильственным, необходимо остановиться на крайней форме этого негативного во всех отношениях явления - насильственном или радикальном экстремизме и обозначить круг деяний, входящих в эту группу².

Под личностными свойствами потерпевших следует подразумевать не только их принадлежность к определенной социальной группе,

¹ Еремин Д.Н. Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: автореферат дис. ... канд. юр. наук. - Калининград, 2016. - С. 8.

² Хорошева А.Е. Уголовные дела о насильственных преступлениях экстремистской направленности как объект криминалистического исследования // Российский следователь. - 2018. - №9. - С. 20-24.

национальности, расе, но и следование конкретным интересам или убеждениям (конкретной идеологии), в результате чего осуществляемая ими деятельность вступает в противоречие с целями и установками экстремистской организации. Как показывает практика, в круг потерпевших могут попасть любые лица, деятельность или устремления которых способны нанести вред функционированию данной организации либо иным группам, участники которых поддерживают аналогичные идеи. В этой части движущим мотивом таких преступлений выступает не расовая, национальная или религиозная ненависть и вражда, а месть. В последние несколько лет подобные преступления, совершаемые на почве мести, получили распространение в среде экстремистских сообществ. Потерпевшими от таких посягательств были лица, в разной степени оказавшиеся причастными к уголовному преследованию членов экстремистских сообществ (организаций) или осуществлявшие правозащиту представителей иных, например, неславянских национальностей, - судьи, адвокаты, эксперты или специалисты, привлекаемые для участия в подобных процессах.

Ответственность за такие преступления, которая свидетельствует о высокой степени их общественной опасности, обусловлена, во-первых, специфической избирательностью виновных и свойством так называемой виктимной уязвимости жертвы. Как отмечают юристы из США, с американской точки зрения преступления на почве ненависти отличаются два главных аспекта. Прежде всего они мотивированы тем, что жертва принадлежит к какой-то конкретной уязвимой группе. Во-вторых, это такие действия, которые уже криминализированы сами по себе, но состав преступления (именно на почве ненависти) увеличивает возможное наказание¹.

При квалификации убийств, совершенных по экстремистским мотивам,

¹ Сазерс Джон. Американский подход к рассмотрению преступлений на почве ненависти и обеспечению свободы слова // Российское и зарубежное законодательство о преступлениях на почве расовой ненависти. Экспертиза, защита участников процесса: Сб. материалов семинара. Стенографический отчет. СПб., 2011. - С. 13-17.

возникает довольно много проблем, решение которых обуславливает необходимость внесения изменений в Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г №11 в части конкретизации признаков экстремистского мотива, а также предъявления к органам, осуществляющим расследование по данным категориям дел, требований по всестороннему изучению обстоятельств убийств и особенностей предпреступного поведения виновного (виновных).

Одним из видов убийств, по которому зачастую возникают спорные ситуации в судебной практике относится убийство из хулиганских побуждений.

Определение хулиганского побуждения дано в п. 12 Постановления Пленумом ВС РФ от 27.01.1999г. №1: «...по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства)». Однако приведенные разъяснения не обеспечивают единообразия при квалификации содеянного по названному признаку субъективной стороны.

Так, Златоустовский городской суд указал в качестве обстоятельств, свидетельствующих о желании противопоставить себя обществу и показать пренебрежительное к нему отношение, подтверждающее наличие признака хулиганских побуждений, место, повод и личность потерпевшего: «Преступление совершено в городском районе в общественном месте, действия осужденного, обусловленные малозначительным поводом и выраженные в применении насилия к несовершеннолетнему, свидетельствуют о желании виновного противопоставить себя окружающим,

продемонстрировать пренебрежительное, циничное отношение к другой личности, в грубой форме показать свою силу»¹.

Далматовский районный суд, напротив, не указал на данные обстоятельства, а раскрыл обсуждаемый квалифицирующий признак следующим образом: «Поведение относительно потерпевшей являлось открытым вызовом обществу, окружающим, было обусловлено желанием противопоставить себя людям, показать пренебрежительное к ним отношение, продемонстрировать грубую силу и пьяную удаль»².

Свердловский областной суд определил наличие квалифицирующего признака преимущественно по малозначительному поводу, а также акцентировал внимание на месте преступления и очевидцах: «Ш. и П., используя малозначительный повод, то есть хулиганский мотив, в общественном месте - возле магазина, в присутствии посторонних граждан избили потерпевших»³.

Квалифицирующий признак совершения преступления «из хулиганских побуждений» является оценочным понятием, поэтому в науке уголовного права нет однозначного мнения об определении дефиниции «из хулиганских побуждений». В литературе предлагаются различные признаки хулиганского мотива, позволяющие его выявить и отграничивать от иных мотивов.

Место совершения преступления не является обязательным признаком хулиганского побуждения, ибо в противном случае содержание данного понятия необоснованно сужается. Вместе с тем достаточно часто судьи при обосновании наличия рассматриваемого побуждения ссылаются на совершение преступного деяния в общественном месте. Так, в приговоре указано, что Б., грубо нарушая общественный порядок своим противоправным поведением в общественном месте, желая

¹ Определение Челябинского областного суда от 22 июня 2012 г. УК-004182-02/2012. // <http://bsa.chel-oblsud.ru/>

² Постановление Далматовского районного суда от 7 марта 2011 г. // <http://goo.gl/X86pnW>

³ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 11 августа 2015 г. №22-6719/2015 // <http://www.consultant.ru/>

противопоставить свою личность интересам общества, нанес удар в область лица Ш.¹.

В связи с тем, что лицо, совершившее преступное деяние, часто не осознает хулиганского побуждения, в доктрине уголовного права возникли ошибочные предположения о безмотивности подобных деяний, когда безмотивность аргументируется отсутствием явных внешних поводов для их совершения. Стоит обратить внимание, что отсутствие явного повода никак не свидетельствует об отсутствии мотива. Повод, являясь внешней причиной преступления, все же субъективная категория для воспринимающего. Исходя из этого особенностью хулиганских побуждений, как указано в п. 12 Постановления Пленумом ВС РФ от 27.01.1999г. №1, является явная недостаточность повода или несоразмерность его с совершенными действиями.

Г.Н. Борзенков ставил вопрос о том, «какой повод следует считать значительным для совершения убийства?», и сам же отвечал, что единого решения быть не может, поскольку в каждом конкретном случае анализ повода должен быть нацелен на установление мотива в действиях виновного².

В п. 12 Постановления Пленумом ВС РФ от 27.01.1999г. №1 высказана позиция о недопустимости вменения хулиганских побуждений при наличии иных установленных мотивов, таких, например, как месть, ревность, личная неприязнь и т.п.

Квалификация преступления, совершенного из хулиганских побуждений, одновременно по указанным выше мотивам невозможна, поскольку только один мотив может быть признан доминирующим в поведении виновного лица³.

Так, Курганский областной суд установил, что насилие в отношении Б.,

¹ Кассационное определение от 27 июля 2011 г. №22-1561-2011 // <http://sudact.ru/>

² Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. - М.: Зерцало-М, 2008. - С. 221.

³ Попов А.Н. Указ. соч. С. 66.

А. и К. было обусловлено служебной деятельностью последних, а также намерением подсудимого избежать негативных последствий в связи с совершенным им ранее нарушением общественного порядка, что исключает возможность квалификации действий подсудимого как совершенных из хулиганских побуждений¹.

Порой суды при квалификации деяния по признаку «из хулиганских побуждений» излишне и ошибочно указывают на личные неприязненные отношения.

Например, Центральный районный суд г. Челябинска указал, что преступление совершено как на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, так и из хулиганских побуждений, то есть беспричинно².

Разграничение хулиганского побуждения и мотива неприязненных отношений вызывает немало сложностей у правоприменителей.

По мнению Н.В. Артеменко и Е.В. Тищенко, личные и хулиганские мотивы являются взаимоисключающими³. Первые включают обязательный признак: они относятся к сфере тесной интеракции людей, которая в большинстве случаев обусловлена отношениями между знакомыми людьми, родственниками.

Личные неприязненные отношения, как правило, носят длительный характер. В частности, представитель государственного обвинения посчитал необоснованным исключение признака «из хулиганских побуждений», он сослался на ранее имевшие место неприязненные отношения между подсудимым и потерпевшим, поскольку после возникновения между ними неприязненных отношений прошел длительный период, в течение которого у потерпевшего не было оснований полагать, что между ним и подсудимым имеется конфликт. В свою очередь, подсудимый в суде показал, что нанес

¹ Приговор от 20 декабря 2013 г. №2-48/2013 // <http://goo.gl/OrAj8S>

² Определение от 10 июля 2012 г. УК-004802-02/2012 // <http://bsa.chel-oblsud.ru/>

³ Артеменко Н.В., Тищенко Е.В. Проблемы квалификационной оценки уголовно наказуемых деяний, совершаемых из хулиганских побуждений (на примере п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ) // Наука и мир. - 2014. - №2. Т. 2. - С. 174.

побои Л., увидев его во дворе своего дома в состоянии опьянения с ножом в руке и испугавшись за себя, поскольку ранее между ними возникали конфликты, один из которых перерос в драку, и первым решил нанести удар¹.

Личные неприязненные отношения не могут возникнуть внезапно. Однако возможны ситуации, когда неприязнь может сформироваться достаточно быстро на фоне внезапно возникшего конфликта.

Подсудимый Х. проезжал во дворе дома. У подъезда на дороге стоял автомобиль потерпевшего К., мешавший проезду. Х. обратился к К., используя грубую нецензурную брань, попросил переставить автомобиль. В ответ К. нагрубил. После этого они ругались, нецензурно бранясь. В завершение конфликта Х. объехал припаркованный на проезжей части автомобиль, остановился, вернулся и ударил К. с размаху палкой по голове².

Представленные доказательства привели суд к выводу, что мотивом совершения преступных действий подсудимым послужили не хулиганские побуждения подсудимого, а его личная неприязнь к потерпевшему, которая возникла внезапно в результате конфликта, произошедшего между подсудимым и потерпевшим за несколько минут до нанесения ударов.

В подобных ситуациях правоприменителям необходимо изучать иные обстоятельства: кто явился инициатором конфликта, не был ли конфликт спровоцирован для использования его в качестве повода. Согласно п. 12 Постановления Пленумом ВС РФ от 27.01.1999г. №1, если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, лицо не подлежит ответственности за совершение в отношении такого потерпевшего преступления из хулиганских побуждений.

Недопустимо делать вывод о совершении преступного деяния из хулиганских побуждений исключительно на основании отсутствия каких-либо иных мотивов, поскольку рассматриваемое побуждение имеет свое

¹ Постановление от 1 февраля 2011 г. №10-1/2011 // <http://www.consultant.ru/>

² Приговор от 20 февраля 2014 г. №1-148/2014 // <https://www.sudact.ru/>

содержание и отличительные особенности. Вот пример не очень удачного описания наличия хулиганского побуждения в действиях виновного: личных мотивов для совершения преступлений в отношении потерпевших К. не имел, мотивами мести, личной неприязни не руководствовался, своими действиями нарушал общественный порядок, совершил их в общественном месте, т.е. из хулиганских побуждений¹.

Как отмечалось выше, в ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрено два вида убийств со специальной целью. Одним из таких квалифицированных видов убийств является умышленное причинение смерти в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Необходимо отметить, что до принятия Уголовного кодекса РФ данного пункта не существовало. Не смотря на то, что принятие данного пункта является новеллой российского уголовного права, вопрос введения уголовной ответственности за преступления в области трансплантологии обсуждался на протяжении 30 лет до принятия действующего УК РФ. Появление данной нормы обусловлено, в первую очередь, развитием медицины, а именно такой ее отрасли как трансплантология. В настоящее время трансплантация является высокоэффективным видом оперативного вмешательства. Трансплантация (от лат. «transplantare» – пересаживать) – это процесс замены поврежденного или утраченного органа с помощью пересадки таких же органов, которые взяты из здорового организма того же вида².

Объектом убийства, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, выступает жизнь человека, которому умышленно причиняется смерть, для последующего использования его органов. В качестве дополнительного объекта может выступать установленный порядок трансплантации органов и

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19 июня 2014 г. №22-5144/2014 // <http://www.consultant.ru/>

² Белоусова Э.В., Хамитова Г.М. Правовые проблемы трансплантологии органов и тканей человека по законодательству Российской Федерации // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XXXIX междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2016. - №10(39). - С. 388.

тканей человека.

Как показывает анализ правоприменительной практики иностранных государств, убийства, совершаемые для трансплантации органов и тканей человека происходят из-за корыстных побуждений. При данных побуждениях преступление дополнительно квалифицируется как убийство по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но данное преступление может быть совершено и для использования органов и тканей потерпевшего в промышленных, косметических и иных целях.

Разновидности корыстных побуждений, которые влекут дополнительную квалификацию деяния по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указаны в п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999г. №1: получение денежного вознаграждения от реципиента, или освобождение от материальных затрат. Для применения п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ не имеет никакого значения, реализовало ли виновное лицо корыстное намерение.

Цель использования органов и тканей человека - совершенно новое обстоятельство, значительно повышающее ответственность за причинение смерти. Включение в часть 2 ст. 105 УК РФ данного признака вызвано возможностью применения в противоправных целях новейших медицинских методик.

Убийство, совершаемое с целью применения тканей или органов потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), – это лишение потерпевшего жизни, которое совершается с целью изъятия у него определенных органов или тканей. Данное преступление имеет исключительно прямой умысел.

Обстоятельства и сам факт изъятия тканей или органов не меняют уголовно-правовую оценку убийства; его квалифицируют по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ даже если они не были изъяты. В том случае, если в момент лишения человека жизни осуществляется изъятие органов или тканей, то содеянное, при наличии к тому оснований, дополнительно квалифицируется по п. «д» ч.2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное с особой жестокостью); в случае изъятия органов или тканей совершено после лишения потерпевшего

жизни, то данное деяние квалифицируется по совокупности с преступлением, которое предусмотрено ст. 224 УК РФ (надругательство над телами умерших и местами их захоронения). Законом не определяется цель использования изымаемых органов или тканей.

В большинстве случаев – это трансплантация, но возможны и другие цели (каннибализм, ритуал, коллекция и т. п.)¹.

Если бы не были предприняты в конкретных условиях действия, которые должны быть направлены на спасение жизни больного, то они рассматриваются как неоказание больному помощи без уважительных причин лицом, которое было обязано ее оказывать в соответствии со специальными правилами (ч. 2 ст.124 УК РФ). В данном случае наблюдается другая форма вины – прямой умысел медработника по отношению к неоказанию помощи и легкомыслие по отношению к последствиям. Любой медработник, который знает, что его бездействие неотвратимо приведет к смерти больного или иного потерпевшего, и желающий ее наступления, чтобы затем изъять биоматериалы из трупа, заслуживает наказания по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ². Наступление у потерпевшего смерти – основание для признания деяния преступлением против жизни человека. Чтобы признать убийство совершенным и оконченным достаточно факта совершения убийства с данной целью (п. «м» ч. 2. ст. 105 УК РФ).

Важным является вопрос определения способа совершения убийства. Согласно мнению С.С. Тихоновой, способом совершения рассматриваемого убийства может быть лишь сам процесс обособления отдельных биосубстратов из организма потерпевшего³. Данное преступление может быть совершено и путем бездействия. Так, врач, заведомо зная, что если тяжелобольной пациент не примет лекарство, то произойдет необратимое

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2010. - С.394-395.

² Маляева Е.О. Проблемы квалификации убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего //Российский следователь. – 2003. - №9. - С. 16-18.

³ Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации.- СПб. 2002. - С. 321.

прекращение основных жизненных функций, и впоследствии наступит смерть, но он умышленно желая наступление его смерти, в целях использования органов не предпринимает ни каких действий. Таким образом, нельзя согласиться с позицией С. С. Тихоновой, т.к. нет законных оснований для признания процесса обособления частей организма человека единственным способом совершения убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего.

Иного мнения придерживается В. М. Лебедев, полагая, что данное преступление может быть совершено с любой целью, которая предполагает в дальнейшем использование органов или тканей потерпевшего¹. Нельзя сводить применение данного пункта только к тем случаям, когда убийство совершается с целью трансплантации. На это указывает применением законодателем термина «использование», а не «изъятие», что характерно исключительно для трансплантологии.

Так же и И.Я Козаченко полагает, что одним из возможных видов совершения рассматриваемого убийства является трансплантация. Другими же видами использования органов и (или) тканей потерпевшего является каннибализм, религиозные обряды, в научных или учебных целях и т.д.².

Таким образом, следует сделать следующие выводы:

Во-первых, умышленное лишение жизни другого человека всегда связано с тем, что преступник (субъект преступления) совершает устойчивый, признаваемый им обычай.

Во-вторых, как уже подчеркивалось, фундаментальное значение имеет именно субъективная сторона состава преступления, а именно мотив совершения общественно опасного деяния, предусмотренного п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В-третьих, наличие широкого субъектного состава, так как к лицу,

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. /отв. ред. В. М. Лебедев. - М.: Юрайт, 2018 – С.35.

² Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть в 2 Т. Том 1, 2-е изд., пер. и доп. - М.: Юрайт, 2018. – С.48.

совершившему преступление, может относиться как тот, кто претерпел какие-либо внешние обстоятельства (например, был сильно оскорблен), так и его родственники или близкие лица (в случае, например, убийства члена своего рода). Этническая принадлежность лица, как уже было установлено, не имеет значения для квалификации исследуемого состава преступления.

В целом, подводя итог вышесказанному, обозначим, что наша позиция по рассматриваемому вопросу исходит из того, что субъект убийства по мотиву кровной мести – общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

3.2. Особенности квалификации убийства, совершенного в соучастии

Определенным образом к «специальным» признакам, имеющим отношение к субъекту преступления, относится такой «количественный» признак, как совершение преступления в соучастии, то есть совершение убийства двумя и более лицами.

Проблемы института соучастия традиционно является одной из самых обсуждаемых в доктрине уголовного права, а также вызывающих много спорных моментов в судебной практике. Этим обусловлено наше желание отдельно остановиться на проблемах квалификации убийств, совершаемых в соучастии.

В соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

А.В. Корнеева разъясняет, что при расхождении мотивов и целей исполнителя и других соучастников обязательной является осведомленность других участников о том, что исполнитель преступления совершает его по указанным в законе мотивам либо со специальной целью¹.

¹ Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений: учебное пособие для магистров. - М.: Проспект, 2014. - С. 86.

И.К. Семернева считает, что конструктивные признаки преступления объективного и субъективного характера (способ, время, место, обстановка, форма вины, мотив, цель) вменяются в вину всем соучастникам, если эти признаки указывались в статье Особенной части УК РФ и охватывались сознанием соучастников¹, соучастники были осведомлены о их наличии².

По мнению Ю.Е. Пудовочкина, признаки, характеризующие мотивы и цели действий исполнителя, могут быть вменены иным соучастникам при условии, что они осознавались ими на момент совершения преступления. Сказанное будет справедливым и для обратной ситуации, когда особые мотивы и цели характеризуют действия организатора, подстрекателя и пособника преступления. Они могут быть вменены иным соучастникам только при условии, что осознавались именно исполнителем преступления.

В тех же ситуациях, когда исполнитель преступления не осведомлен об имеющих квалификационное значение мотивах организатора, таковые мотивы не могут быть ему вменены, а в силу начал акцессорности соучастия они не могут быть вменены и самому организатору преступления³.

Так, по приговору Верховного суда Республики Дагестан от 31 марта 2016 г. Гамзатов Р.М. осужден по ч. 3 ст. 33, п. «к»⁴ ч. 2 ст. 105 УК РФ, по ч. 2 ст. 222 УК РФ. Гамзатов совершил развратные действия в отношении дочери его супруги от первого брака. Узнав об этом, она прекратила с мужем семейные отношения и стала угрожать ему тем, что распространит сведения о совершении им в отношении ее несовершеннолетней дочери преступления. Гамзатов решил убить супругу с целью предотвращения распространения

¹ Семернева И.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): Научно-практическое пособие. - М.: Проспект, 2014. - С. 189.

² Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.: Спарк, 2001. - С. 383.

³ Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: Научно-практическое пособие. - М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. - С. 26-27.

⁴ Убийство, предусмотренное п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в качестве обязательного признака субъективной стороны указывает на специальную цель - скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Мы не стали анализировать данный вид убийства в предыдущем параграфе, дабы рассмотреть его в рамках анализа проблем соучастия.

указанных сведений и сокрытия совершенного им данного преступления. Гамзатов с целью убийства жены незаконно приобрел огнестрельное оружие, а затем, встретившись со своим двоюродным братом М. и введя его в заблуждение относительно своего действительного мотива запланированного преступления, сообщил М. о том, что его жена, Г., ведет аморальный образ жизни, тайно встречается с посторонними мужчинами, позоря его честь и достоинство в глазах родственников и жителей села, и попросил М. совершить за это ее (Г.) убийство. Гамзатов передал М. оружие, сообщил ему благоприятное время и место совершения убийства. М., будучи введенным в заблуждение относительно реального мотива преступления, убил Г. Действия М. как непосредственного исполнителя убийства квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 августа 2016 г. приговор в отношении Гамзатова изменен: его действия переквалифицированы с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению, нашел Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении Гамзатова Р.М. подлежащим отмене и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

Президиум посчитал, что апелляционная инстанция необоснованно переквалифицировала действия Гамзатова с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, сославшись на то, что «мотив (с целью скрыть другое преступление), которым в действительности руководствовался организатор убийства - Гамзатов Р.М., был скрыт от исполнителя М., и, следовательно, мотив Гамзатова Р.М. в данном случае не влияет на правовую квалификацию его действий, поскольку он (Гамзатов Р.М.) исполнителя М. к квалифицированному убийству Г. не склонял».

В соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ, продолжает Президиум Верховного

Суда РФ, ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. В ч. 3 ст. 34 УК РФ предусмотрено общее правило, в соответствии с которым уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

По смыслу этой нормы уголовного закона юридическая оценка действий организатора, подстрекателя, пособника производна от квалификации действий исполнителя преступления при наличии у них всех единого умысла на совершение конкретного преступления и при совершении исполнителем именно этого преступления.

Данные обстоятельства, заключает вышестоящая инстанция Верховного Суда, не были учтены судом апелляционной инстанции при истолковании и применении положений ч. 3 ст. 34 УК РФ, что повлекло за собой существенное фундаментальное нарушение уголовного закона (неправильное его применение), повлиявшее на юридическую квалификацию действий осужденного, а значит, и на исход уголовного дела в отношении его¹.

Проблема заключается в том, что в УК РФ нет нормы, которая позволяла бы вменять мотив одного соучастника другому соучастнику в качестве квалифицирующего признака. Совершение преступления в соучастии не означает обязательного наличия у соучастников всеобщего единого мотива или цели преступления.

Например, как квалифицировать деяние, если исполнитель убийства знает о том, что организатор хочет скрыть другое преступление, тогда как сам исполнитель совершает убийство по найму? В этом случае убийство по найму может характеризоваться разной мотивацией для заказчика убийства и

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 марта 2017 г. №27-П17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2017. - №8.

для его исполнителя¹, так как по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется также убийство в целях сокрытия или облегчения совершения преступления, исполнителем которого было другое лицо².

В науке отсутствует единое мнение по данному вопросу.

С.В. Бородин, рассматривая вопрос о квалификации действий заказчика и исполнителя при убийстве по найму, приводит примеры, в соответствии с которыми действия исполнителя следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия заказчика в зависимости от активности его роли - по ч. ч. 3 или 4 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

В п. 13 Постановления Пленумом ВС РФ от 27.01.1999г. №1 подчеркивается: «По смыслу закона квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ».

По мнению А.И. Коробеева, если исполнитель убийства по найму⁴ знает о том, что организатор убийством потерпевшего хочет скрыть другое совершенное им преступление, действие исполнителя следует квалифицировать по п. п. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а заказчика - за ранее совершенное преступление и за соучастие в убийстве по найму и с целью

¹ Лопашенко Н.А. Убийства: монография. - М.: Юрлитинформ, 2013. - С. 373.

² Борзенков Г.Н. Квалификация преступления против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. - М.: Зерцало-М, 2003. - С. 77.

³ Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юристь, 1999. - С. 178-179.

⁴ Ответственность за убийство по найму закреплена в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Мы также не стали анализировать данный вид убийства в предыдущем параграфе, дабы рассмотреть его в рамках анализа проблем соучастия, поскольку при совершении данного вида убийства всегда присутствует специальный субъектный состав соучастников – «заказчик» и «исполнитель».

скрыть другое преступление¹, т.е. по ч. 3 ст. 33 и п. п. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По мнению А.Н. Попова, если заказчик убийства по найму действовал, исходя из обстоятельств, признаваемых уголовным законом отягчающими убийство, его деяние следует квалифицировать как соучастие в убийстве по найму с учетом данного отягчающего обстоятельства. Действия исполнителя должны квалифицироваться в зависимости от осознания им мотивов заказчика². Если он осознавал мотивы и цели заказчика, признаваемые уголовным законом квалифицирующими признаками убийства, его деяние следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ с учетом осознаваемого им квалифицирующего обстоятельства.

Мотивом исполнителя убийства по найму является побуждающее его стремление получить вознаграждение за совершенное преступление. Исполнитель может осознавать, какими мотивами и целями руководствуется заказчик (организатор, подстрекатель), но это не означает, что их мотивы определяют его, исполнителя, поведение. Цель убийства в виде сокрытия другого преступления или облегчения его совершения является результатом, к достижению которого стремится заказчик. При найме исполнителя убийства для самого заказчика «наем» не является побудительным мотивом его действий.

В соответствии с принципом вины лицо подлежит уголовной ответственности за общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, включая объективные и субъективные квалифицирующие признаки состава преступления, в отношении которых установлена его вина.

Поэтому, если исполнитель не осознавал мотивы и цели, которыми руководствовались организатор, подстрекатель, пособник преступления,

¹ Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. - М.: Юрлитинформ, 2012. - С. 103-104.

² Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 757.

указанные мотивы и цели не могут быть ему вменены, но, будучи квалифицирующими признаками, мотив и цель должны быть отражены в квалификации иных соучастников преступления.

Вместе с тем нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ в зависимости в том числе от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении.

От организатора убийства необходимо отличать подстрекателя к убийству.

Согласно ч. ч. 1, 4 ст. 33 УК РФ подстрекателем является лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом, которое признается соучастником преступления.

Другими словами, подстрекатель – это фактически инициатор преступления.

Объективная сторона подстрекательства состоит из действий, которые возбуждают у другого лица желание совершить преступление, которые законодатель определяет как склонение.

«Склонить» обозначает: «...убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения»¹.

Склонение к совершению преступления означает такие действия виновного, результатом которых стало возникновение в сознании иного лица решимости совершить преступление².

Перечень способов подстрекательской деятельности (уговора, подкупа, угрозы) не является исчерпывающим.

УК РФ не устанавливает обязательную форму проявления такого склонения, а значит, оно может быть выражено не только устно, но и

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1989. – С.560.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. - М.: Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. – С.122.

письменно, посредством мимики, жестов, использования телекоммуникационных устройств, главное, чтобы оно было направлено на формирование у исполнителя умысла на совершение преступления.

Исходя из того что подстрекатель понимает, что склоняет лицо к совершению конкретного преступления, предвидит возможность совершения этого преступления и, более того, желает его совершения, что и является целью такого склонения, совершение подстрекательских действий возможно только с прямым умыслом (ч. 2 ст. 24 УК РФ).

Подстрекательство всегда носит конкретный характер.

Подстрекатель не выполняет действий, составляющих объективную сторону преступления, к совершению которого он склоняет, в противном случае его уголовно-правовой статус меняется на соисполнителя (ч. 3 ст. 34 УК РФ).

Переквалифицировав действия осужденной с п. п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 33, п. п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд указал, что она по отношению к убийству явилась не исполнителем преступления, поскольку не принимала непосредственного участия в лишении жизни, а подстрекателем, так как только склонила исполнителей к совершению этих преступлений¹.

Отграничивая действия подстрекателя от пособника, необходимо учитывать, что пособник способами, указанными в ч. 5 ст. 33 УК РФ, содействует совершению преступления лицом, у которого уже сформировано намерение совершить преступление.

Опровергая доводы осужденной о необходимости переквалификации ее действий с ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, суд указал, что она действовала не как пособник, поскольку участия в разработке плана убийства, в распределении ролей, в передаче орудий преступления не принимала, а только лишь склоняла других осужденных к

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 сентября 2017г. №45-АПУ17-11 // <http://www.consultant.ru/>

убийству потерпевшего, заверяла их в «благополучном» исходе, понуждала их к этому, а значит, суд правильно квалифицировал ее действия как подстрекателя¹.

Если осужденный выполнил действия, образующие объективную сторону и подстрекательства, и пособника преступления, то его действия квалифицируются по ч. ч. 4, 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Установив, что осужденная не только предложила и уговорила убить своего бывшего мужа, но и на своем автомобиле привезла исполнителя к месту совершения преступления, где, убедившись, что потерпевший спит, позвала исполнителя в дом и передала ему орудие убийства - металлическую трубу, суд правильно квалифицировал ее действия по ч. ч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ².

При оценке действий подстрекателя необходимо установить, что вменяемые ему в вину действия исполнителя преступления, исходя из принципа субъективного вменения, охватывались его умыслом.

Опровергая доводы осужденного о необходимости переквалификации его действий с ч. ч. 4, 5 ст. 33, п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. ч. 4, 5 ст. 33, п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ, суд указал, что осужденный был осведомлен о намерениях исполнителей разбоя использовать при нападении в качестве оружия предметы и угрожать применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевших. При этом действия одного из исполнителей были дополнительно квалифицированы по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, поскольку они вышли за пределы состоявшихся договоренностей и не охватывались умыслом иных соучастников преступления, в том числе подстрекателя³.

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 июля 2018г. №29-АПУ18-1 // <http://www.consultant.ru/>

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2018г. №11-АПУ18-5 // <http://www.consultant.ru/>

³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 октября 2018г. №78-АПУ18-21// <http://www.consultant.ru/>

Если лицо являлось одновременно подстрекателем и соисполнителем преступления, при квалификации его действий ссылка на ч. 4 ст. 33 УК РФ не делается.

Вместе с тем из этого правила есть исключение. Действия подстрекателя, выполнившего часть или всю объективную сторону преступления, можно квалифицировать со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ. Такая квалификация возможна при применении положений ч. 4 ст. 34 УК РФ в случае, если такое лицо участвовало в совершении преступления, предусматривающего ответственность специального субъекта, указанного в соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Исходя из взаимосвязанных положений ч. 4 ст. 33, ч. ч. 3, 5 ст. 34 УК РФ, в силу того что подстрекатель непосредственно не выполняет объективную сторону преступления, он несет уголовную ответственность за то преступление, к совершению которого он склонил исполнителя. Юридическая оценка действий подстрекателя производна от квалификации действий исполнителя преступления при наличии у них всех единого умысла на совершение конкретного преступления и при совершении исполнителем именно этого преступления¹.

Вместе с тем допускается квалификация действий подстрекателя и непосредственного исполнителя по разным статьям УК РФ в случаях обладания одним из соучастников преступления особыми признаками личностного характера, в силу которых он подлежит ответственности по специальной норме.

Так, суд оставил без изменения приговор суда, которым действия только что родившей ребенка матери, не принимавшей участия в непосредственном убийстве ребенка, а попросившей об этом подругу, квалифицированы по ч. 4 ст. 33, ст. 106 УК РФ, а подруги, оставившей

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 октября 2017г. №203-АПУ17-29 // <http://www.consultant.ru/>

ребенка в мусорном контейнере, - по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ в случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него обстоятельствам подстрекатель несет уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление.

Лицо, которому по независящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, также несет ответственность за приготовление к преступлению.

С учетом того что исполнитель преступления добровольно отказался от убийства потерпевшего, действия подстрекателя, которому по независящим от него обстоятельствам не удалось склонить к убийству, были переквалифицированы на ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. п. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ².

Согласно ч. 4 ст. 31 УК РФ подстрекатель к преступлению не подлежит уголовной ответственности, если он своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратил доведение преступления исполнителем до конца.

Оставляя без изменения оправдательный приговор, суд указал, что убийство было предотвращено правоохранительными органами благодаря сообщенной подстрекателем к убийству, имевшим возможность к свободе выбора своего поведения и доведения преступления до конца, информации о потерпевшем, его месте жительства и номере его автомобиля, значит, судом первой инстанции действия подстрекателя правильно расценены как добровольный отказ от преступления³.

Если предотвратить дальнейшее совершение исполнителем преступления не удалось, подстрекатель подлежит уголовной

¹ Определение Верховного Суда РФ от 17 марта 2008г. по делу №34-О08-3 // <http://www.consultant.ru/>

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15 января 2014г. №8-АПУ13-13 // <http://www.consultant.ru/>

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 января 2013г. №33-012-36 // <http://www.consultant.ru/>

ответственности на общих основаниях с признанием этих обстоятельств смягчающими его наказание в соответствии со ст. 61 УК РФ (ч. 5 ст. 31 УК РФ).

Уголовно-правовая доктрина исходит из того, что вина - это психическое отношение лица к совершаемому преступлению, которое характеризуется определенными интеллектуально-волевыми процессами, происходящими в психике виновного во время совершения преступления¹. В контексте обсуждаемых проблем это означает, что в содержание умысла соучастников, не принимавших участия в исполнении преступления, нельзя включать юридически значимые обстоятельства совершения совместного преступления, которые не осознавались ими в момент совершения организаторских, подстрекательских, пособнических действий. Последующее осознание организатором, подстрекателем, пособником обстоятельств, повышающих степень общественной опасности совместного преступления, не имеет значения для квалификации. Если их преступная функция уже выполнена, то впоследствии открывшиеся их сознанию обстоятельства исполнения преступления, повышающие его общественную опасность (например, квалифицирующие признаки), не могут проявиться в их деянии. В этом плане значительный интерес представляет следующее уголовное дело.

Судом установлено, что Зязикова М. и Зязикова Л.Х. обратились к Евлоеву с просьбой совершить убийство З., с которым у них сложились неприязненные отношения. Все остальные действия, направленные на убийство потерпевшего, такие как определение времени, места, способа совершения убийства, а также непосредственное его исполнение были совершены Евлоевым. Данных о том, что Зязикова М. совершила какие-либо действия, направленные на организацию убийства, в материалах дела не имелось и в приговоре не приведено. Поскольку убийство потерпевшего

¹ Рагог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - М.: Проспект, 2015. - С. 64.

совершено Евлоевым общеопасным способом путем взрыва гранаты, о чем была осведомлена Зязикова М., то ее действия, указала Судебная коллегия, подлежат переквалификации с ч. 3 ст. 33 УК РФ на ч. 4 ст. 33, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ как подстрекательство к убийству, совершенному общеопасным способом¹.

В приведенном примере суд вменил подстрекателю квалифицирующий признак «совершение убийства общеопасным способом», руководствуясь тем, что подстрекатель был осведомлен о применении именно такого способа убийства. Однако в этом случае принципиальное значение имеет не только факт осведомленности подстрекателя о применении общеопасного способа убийства, но и момент появления такой осведомленности. Судя по обстоятельствам дела, она появилась после завершения подстрекательских действий (после того, как исполнитель был склонен к убийству), т.е. *post factum*, а на момент их совершения применение исполнителем общеопасного способа убийства не охватывалось умыслом подстрекателя (он был избран исполнителем самостоятельно). Исходя из этого, приходится констатировать, что в этом случае исполнитель допустил эксцесс, а значит, основания для вменения подстрекателю соответствующего квалифицирующего признака отсутствовали.

Одна из проблем, возникающих при квалификации убийств, совершаемых в соучастии, связана с эксцессом исполнителя.

В теории уголовного права принято выделять количественный и качественный эксцесс исполнителя преступления, которые отличаются существенной спецификой в плане квалификации.

При количественном эксцессе исполнитель по своей инициативе совершает выходящее за рамки умысла иных соучастников однородное преступление, посягающее на тот же основной объект уголовно-правовой охраны. Количественный эксцесс исполнителя может, в частности,

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2003г. №26-О03-9 // <http://www.consultant.ru/>

выражаться в трансформации изначально оговоренного способа совершения преступления (вместо простого убийства - убийство с особой жестокость).

Как подчеркивают О.С. Капинус и К.В. Ображиев, количественный эксцесс возможен лишь при наличии конкретизированного умысла соучастников, т.е. лишь в том случае, когда соучастники имели четкое представление о качественных и количественных параметрах совместно совершаемого преступления. Если же совместный умысел был неопределенным, т.е. соучастники лишь в общих чертах осознавали признаки совместного преступления, то количественный эксцесс исполнителя становится невозможным¹.

В силу взаимосвязанных предписаний ст. ст. 5 и 36 УК РФ при количественном эксцессе исполнителя иные соучастники должны нести ответственность за соучастие в том преступлении, которое охватывалось их совместным конкретизированным умыслом.

Однако при этом акцессорная зависимость деяний, совершенных организатором, подстрекателем, пособником, от действий исполнителя² при количественном эксцессе утрачивается не полностью. При сложном соучастии эта зависимость сохраняется в части определения юридической завершенности деяний соучастников.

В подавляющем большинстве случаев количественный эксцесс выражается в совершении исполнителем более тяжкого преступления, чем первоначально запланированное соучастниками. Вместе с тем в теории уголовного права признается, что исполнитель может по своей инициативе совершить менее тяжкое преступное посягательство на тот же объект уголовно-правовой охраны. Например, при наличии совместного конкретизированного умысла соучастников на убийство общеопасным

¹ Капинус О.С., Ображиев К.В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. - 2018. - №2. - С. 42-51.

² Ображиев К.В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. - 2016. - №8. - С. 29-34.

способом (путем подрыва автомобиля потерпевшего) исполнитель убил потерпевшего иным способом, не относящимся к числу общеопасных.

Доктринальная уголовно-правовая оценка подобных ситуаций крайне неоднозначна. Большинство специалистов усматривают здесь количественный эксцесс исполнителя и, исходя из этого, предлагают квалифицировать действия иных соучастников на основании ст. 36 УК РФ, полагая, что эта норма в полной мере распространяется на «эксцесс в меньшую сторону». Правда, при этом конкретные рекомендации по квалификации таких случаев существенно разнятся. В юридической литературе предлагаются следующие варианты уголовно-правовой оценки:

-исполнитель, допустивший «эксцесс в меньшую сторону», должен нести ответственность за фактически совершенное им оконченное преступление, а организатор, подстрекатель, пособник – за соучастие в оконченном преступлении, которое было изначально запланировано соучастниками.

-действия исполнителя следует квалифицировать как оконченное менее тяжкое преступление, а действия остальных соучастников – как соучастие в покушении на более тяжкое преступление¹.

-исполнителю следует вменять фактически совершенное менее тяжкое преступление, а иным соучастникам – приготовление к более тяжкому преступлению.

В этих случаях сговор на совершение преступления конкретным способом, имеющим квалифицирующее значение, определяет лишь верхнюю границу (план-максимум), за которую не должен выходить исполнитель. При этом нижняя граница (план-минимум) по умолчанию задается целью совместных действий соучастников (похитить конкретное имущество, убить определенного человека). Действуя в этом диапазоне, исполнитель остается в пределах совместного умысла соучастников, что исключает применение ст.

¹ Иванова Л.В. Особенности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления // Российский следователь. - 2013. - №7. - С. 24-26.

36 УК РФ. А потому в рассматриваемых ситуациях уголовно-правовая оценка действий организатора, подстрекателя и пособника должна быть основана на акцессорных началах. Иными словами, квалификация действий иных соучастников в этом случае является производной от квалификации исполнительских действий. Следовательно, иные соучастники должны нести ответственность за совершение «простого» убийства вместо убийства общеопасным способом) - за соучастие в убийстве без квалифицирующих признаков.

Следует подчеркнуть, что количественный эксцесс возможен лишь при наличии конкретизированного умысла соучастников, т.е. лишь в том случае, когда соучастники имели четкое представление о качественных и количественных параметрах совместно совершаемого преступления. Если же совместный умысел был неопределенным, т.е. соучастники лишь в общих чертах осознавали признаки совместного преступления, то количественный эксцесс исполнителя становится невозможным.

В силу взаимосвязанных предписаний ст. ст. 5 и 36 УК РФ при количественном эксцессе исполнителя иные соучастники должны нести ответственность за соучастие в том преступлении, которое охватывалось их совместным конкретизированным умыслом.

Однако при этом акцессорная зависимость деяний, совершенных организатором, подстрекателем, пособником, от действий исполнителя¹ при количественном эксцессе утрачивается не полностью. При сложном соучастии эта зависимость сохраняется в части определения юридической завершенности деяний соучастников.

В подавляющем большинстве случаев количественный эксцесс выражается в совершении исполнителем более тяжкого преступления, чем первоначально запланированное соучастниками. Вместе с тем в теории уголовного права признается, что исполнитель может по своей инициативе

¹ Ображиев К.В. Указ. соч. С. 29-34.

совершить менее тяжкое преступное посягательство на тот же объект уголовно-правовой охраны. Например, при наличии совместного конкретизированного умысла соучастников на убийство общеопасным способом (путем подрыва автомобиля потерпевшего) исполнитель убил потерпевшего иным способом, не относящимся к числу общеопасных.

Доктринальная уголовно-правовая оценка подобных ситуаций крайне неоднозначна. Большинство специалистов усматривают здесь количественный эксцесс исполнителя и, исходя из этого, предлагают квалифицировать действия иных соучастников на основании ст. 36 УК РФ, полагая, что эта норма в полной мере распространяется на «эксцесс в меньшую сторону». Правда, при этом конкретные рекомендации по квалификации таких случаев существенно разнятся. В юридической литературе предлагаются следующие варианты уголовно-правовой оценки:

-исполнитель, допустивший «эксцесс в меньшую сторону», должен нести ответственность за фактически совершенное им оконченное преступление, а организатор, подстрекатель, пособник – за соучастие в оконченном преступлении, которое было изначально запланировано соучастниками¹;

-действия исполнителя следует квалифицировать как оконченное менее тяжкое преступление, а действия остальных соучастников - как соучастие в покушении на более тяжкое преступление²;

-исполнителю следует вменять фактически совершенное менее тяжкое преступление, а иным соучастникам - приготовление к более тяжкому преступлению. Этот вариант квалификации отстаивается А.А. Арутюновым³.

Однако согласиться с этими рекомендациями не представляется возможным, поскольку в рассматриваемых ситуациях совершение менее тяжкого посягательства на тот же основной объект, конкретизированный по

¹ Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. - Краснодар, 2000. - С. 32.

² Иванова Л.В. Указ. соч. С. 24-26.

³ Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. - М.: Статут, 2013. - С. 192-193.

признакам предмета и (или) потерпевшего, полностью охватывается умыслом иных соучастников. Если при наличии сговора на совершение убийства общепасным способом причинение смерти потерпевшему некавалифицированным способом «укладывается» в рамки совместного умысла соучастников. В этих случаях сговор на совершение преступления конкретным способом, имеющим квалифицирующее значение, определяет лишь верхнюю границу (план-максимум), за которую не должен выходить исполнитель. При этом нижняя граница (план-минимум) по умолчанию задается целью совместных действий соучастников (похитить конкретное имущество, убить определенного человека). Действуя в этом диапазоне, исполнитель остается в пределах совместного умысла соучастников, что исключает применение ст. 36 УК РФ. А потому в рассматриваемых ситуациях уголовно-правовая оценка действий организатора, подстрекателя и пособника должна быть основана на акцессорных началах. Иными словами, квалификация действий иных соучастников в этом случае является производной от квалификации исполнительских действий. Следовательно, иные соучастники должны нести ответственность за совершение простого убийства вместо убийства общепасным способом - за соучастие в убийстве без квалифицирующих признаков.

В заключение отметим следующее:

Субъектом убийства по мотиву кровной мести может быть любое лицо, независимо от национальной принадлежности. Для квалификации убийства по мотиву кровной мести важно установить именно мотив кровной мести. Национальные, этнические признаки лица, совершившего убийство, имеют лишь доказательственное значение для установления мотива преступления и не имеют самостоятельного значения для уголовно-правовой квалификации убийства по мотиву кровной мести. Соответственно, субъекта рассматриваемого преступления необходимо считать общим, это физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Самым тяжким из преступлений экстремистской направленности является убийство, совершенное по мотивам политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), которое обозначается как «убийство по экстремистским мотивам».

Убийство, совершаемое с целью применения тканей или органов потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), – это лишение потерпевшего жизни, которое совершается с целью изъятия у него определенных органов или тканей. Данное преступление имеет исключительно прямой умысел.

Обстоятельства и сам факт изъятия тканей или органов не меняют уголовно-правовую оценку убийства; его квалифицируют по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ даже если они не были изъяты. В том случае, если в момент лишения человека жизни осуществляется изъятие органов или тканей, то содеянное, при наличии к тому оснований, дополнительно квалифицируется по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное с особой жестокостью); в случае изъятия органов или тканей совершено после лишения потерпевшего жизни, то данное деяние квалифицируется по совокупности с преступлением, которое предусмотрено ст. 224 УК РФ (надругательство над телами умерших и местами их захоронения). Законом не определяется цель использования изымаемых органов или тканей.

Мотивом исполнителя убийства по найму является побуждающее его стремление получить вознаграждение за совершенное преступление. Исполнитель может осознавать, какими мотивами и целями руководствуется заказчик (организатор, подстрекатель), но это не означает, что их мотивы определяют его, исполнителя, поведение. Цель убийства в виде сокрытия другого преступления или облегчения его совершения является результатом, к достижению которого стремится заказчик. При найме исполнителя убийства для самого заказчика «наем» не является побудительным мотивом его действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение диссертационной работы подведём её итоги и сформулируем основные выводы:

Проблемы реализации уголовно-правовой политики в сфере охраны жизни и здоровья predeterminedены адекватизацией мер уголовного наказания. Реализация уголовного наказания предусматривает учет совокупности факторов, в том числе категорию совершенного преступления, общественную опасность личности виновного, совокупность иных обстоятельств, подлежащих учету при выборе меры государственного принуждения, порядок и условия содержания осужденных. Таким образом, эффективность уголовно-правовой политики в сфере обеспечения права человека на жизнь и здоровье инспирирует законодательную формулу, балансирующую правовые критерии оценки и квалификации уголовно-правовых норм и дифференцирующую наказание исходя из степени причиненного человеку, обществу и государству данными видами преступлений ущерба.

Одной из самых острых на сегодняшний день является проблема квалификации по п. «в», ч. 2 ст. 105 УК РФ, а именно убийство малолетнего или иного лица, находящегося заведомо для виновного в беспомощном состоянии. В связи с этим представляет интерес изучение сущностных аспектов и особенностей правоприменительной практики в этой области, выявление пробелов в праве и предложения их устранения.

Представляется, что признание лица беспомощным как квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 105 УК РФ) должен решать исходя из обстоятельств дела в каждом конкретном случае.

Оценка неспособности оказать должное сопротивление – вопрос факта, который решает суд. Вывод о способности оценивать и осознавать происходящее делает непосредственно суд.

Среди проблем, связанных с квалификацией убийств с отягчающими признаками, необходимо выделить проблему трактовки признака «заведомости», что актуально не только для состава убийства, но и для иных преступлений, содержащих данный признак. УК РФ не имеет официального толкования этого понятия, в отличие, к примеру, от УК Республики Беларусь. Это является существенным пробелом нашего уголовного закона. И высшая судебная инстанция тоже не разъясняет «заведомость».

В этой связи, в целях единообразного формирования судебной практики, необходимо в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» внести разъяснение следующего содержания: «Заведомость предполагает, что виновный знает и субъективно убежден в беременности потерпевшей, у него отсутствуют сомнения в том, что она беременна».

Убийство, совершенное с особой жестокостью следует характеризовать по определенным признакам.

Во-первых, это избранный виновным способ убийства (применял ли виновный яд, который имел мучительное действие, совершил ли сожжение заживо или же воспользовался другими методами и способами, которые заведомо были связаны с причинением потерпевшему особых страданий).

Во-вторых, это обстановка совершения преступления (совершалось ли убийство в присутствии близких, родных потерпевшего, было ли лицо беспомощным, имело ли какие-либо физические или психические особенности заболевания и т.д.); какое взаимоотношение было между виновным и потерпевшим.

В-третьих, что является очень важным, каково было поведение виновного до совершения убийства с особой жестокостью, т.е. применял ли виновный пытки, издевательства или другие способы причинения страданий по отношению к потерпевшему.

Субъектом убийства по мотиву кровной мести может быть любое лицо, независимо от национальной принадлежности. Для квалификации убийства

по мотиву кровной мести важно установить именно мотив кровной мести. Национальные, этнические признаки лица, совершившего убийство, имеют лишь доказательственное значение для установления мотива преступления и не имеют самостоятельного значения для уголовно-правовой квалификации убийства по мотиву кровной мести. Соответственно, субъекта рассматриваемого преступления необходимо считать общим, это физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Самым тяжким из преступлений экстремистской направленности является убийство, совершенное по мотивам политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), которое обозначается как «убийство по экстремистским мотивам».

Убийство, совершаемое с целью применения тканей или органов потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ), – это лишение потерпевшего жизни, которое совершается с целью изъятия у него определенных органов или тканей. Данное преступление имеет исключительно прямой умысел.

Обстоятельства и сам факт изъятия тканей или органов не меняют уголовно-правовую оценку убийства; его квалифицируют по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ даже если они не были изъяты. В том случае, если в момент лишения человека жизни осуществляется изъятие органов или тканей, то содеянное, при наличии к тому оснований, дополнительно квалифицируется по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное с особой жестокостью); в случае изъятия органов или тканей совершено после лишения потерпевшего жизни, то данное деяние квалифицируется по совокупности с преступлением, которое предусмотрено ст. 224 УК РФ (надругательство над телами умерших и местами их захоронения). Законом не определяется цель использования изымаемых органов или тканей.

Мотивом исполнителя убийства по найму является побуждающее его стремление получить вознаграждение за совершенное преступление.

Исполнитель может осознавать, какими мотивами и целями руководствуется заказчик (организатор, подстрекатель), но это не означает, что их мотивы определяют его, исполнителя, поведение. Цель убийства в виде сокрытия другого преступления или облегчения его совершения является результатом, к достижению которого стремится заказчик. При найме исполнителя убийства для самого заказчика «наем» не является побудительным мотивом его действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
3. Закон РФ от 22 декабря 1992г. №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. - №2. - Ст. 62.
4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 25 декабря 2014г. №908н «О порядке установления диагноза смерти мозга человека» // <http://www.pravo.gov.ru/>
5. Авдеев В. А., Авдеева Е. В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права // Lex Russica. - 2018. - № 10. - С. 157-165
6. Авдеева О. А. Правовая политика России в XII-XIV вв : учебное пособие. - Иркутск, 2002. – 51с.
7. Авдеева О. А. Правовая система России в XVI- XVII вв. - Иркутск, 2004. – 222с.
8. Авдеева О. А. Правовое регулирование уголовных правоотношений в России (IX-XVIII вв.): монография. - Иркутск, 2012. – 150с.
9. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. - М., 1981. – 312с.
10. Антонян Ю. М. Психология убийства. - М., 1997. – 304с.
11. Артеменко Н.В., Тищенко Е.В. Проблемы квалификационной оценки уголовно наказуемых деяний, совершаемых из хулиганских побуждений (на примере п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ) // Наука и мир. - 2014. - №2. Т. 2. - С. 171-175.
12. Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Н. Новгород, 2011. – 25с.
13. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. - М.: Статут, 2013. –

408с.

14. Ахраменка Н.Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007с.

15. Бабичев А.Г. Становление уголовного законодательства об ответственности за убийство // Гуманитарные, социально-экономические и
11. Беспаль О.Л. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны жизни и здоровья несовершеннолетних // Российская юстиция. – 2013. – №12. – С.14-17.

16. Белоусова Э.В., Хамитова Г.М. Правовые проблемы трансплантологии органов и тканей человека по законодательству Российской Федерации // Молодежный научный форум: Общественные и экономические наук: электр. сб. ст. по мат. XXXIX междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2016. - №10(39). - С. 388-392.

17. Беспаль О.Л. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны жизни и здоровья несовершеннолетних // Российская юстиция. – 2013. – №12. – С.14-17.

18. Борзенков Г.Н. Квалификация преступления против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. - М.: Зерцало-М, 2003. – 144с.

19. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие. - М.: Зерцало, 2008. – 256с.

20. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. - М.: Юрист, 1994 - 216с.

21. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юристь, 1999. – 356с.

22. Вараев И.Ш. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. - СПб, 2018. – С.55-57.

23. Васильев Ю.А. Отягчающие обстоятельства убийства, относящиеся к субъективной стороне состава преступления // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2006. - №3. - С.102-104.

24. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. - Краснодар, 2000. – 200с.

25. Галицкий В. Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Обозреватель-Observer. - 2010. - №12. - С. 13-24.

26. Гордеев Н.С. Аргументация в судебных решениях по «экстремистским делам» как показатель правовой культуры правоприменителя // Правовая культура. - 2016. - №2 (25). - С. 73-78.

27. Гордеев Н.С. Мотив идеологической ненависти или вражды: к вопросу о проблемах законодательной регламентации и квалификации // Современная юридическая наука и практика: актуальные // Сборник науч. ст. по мат. I Всероссийского форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых, посвященного 85-летию Саратовского юридического института им. Д.И. Курского (15 марта 2016 г.). - Саратов: Юстиция, 2016. - С. 138-144.

28. Горячева М.Л. Исторический обзор эволюции ответственности за убийство в российском законодательстве // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. - СПб, 2018. - С. 95-98.

29. Давыдов А. Б. Проблемы квалификации убийств, совершенных по экстремистским мотивам // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2018. – С.107-110.

30. Даурбеков А.А., Ужахов А.С. Дискуссионные вопросы понятия и квалификации убийств по мотиву кровной мести // Российский следователь. - 2013. - №15. - С. 20-23.

31. Дружков С.Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики: дис. ...канд. юр. наук: - Екатеринбург, 2002. - 168с.

32. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2009. - 400с.
33. Жолдошалиев М.Т. Динамика убийств: индикатор угрозы в сфере национальной безопасности государства // Таврический научный обозреватель. – Ялта. – 2017. – № 1 (18). – С. 77-82.
34. Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. - М., 1961. - 278с.
35. Закалюк А. П., Жарый В. Д., Ковальский В. С. и др. Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования). - Киев, 1989. – 35с. // <http://lawlibrary.ru/izdanie32463.html>
36. Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. - Новосибирск, 1991. -244с.
37. Зубкова В. И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство и практика: монография. - М., 2016. – 280с.
38. Еремин Д.Н. Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: автореферат дис. ... канд. юр. наук. - Калининград, 2016. – 23с.
39. Иванова Л.В. Особенности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления // Российский следователь. - 2013. - №7. - С. 24-26.
40. Калайков С.С. Уголовная ответственность за убийство. - М., 2004. – 98с.
41. Капинус О.С., Ображиев К.В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. - 2018. – №2. - С. 42-51.
42. Карпов К. Значение толкования признака совершения преступления «в отношении двух и более лиц» для квалификации и назначения наказания // Уголовное право. - 2016. - №2. – С.40-48.

43. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть в 2-х томах. Том 1, 2-е изд., пер. и доп. - М.: Юрайт, 2018. – 352с.
44. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. /отв. ред. В. М. Лебедев. - М.: Юрайт, 2018 – 371с.
45. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2010. – 1392с.
46. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. — Екатеринбург, 2000. – 208с.
47. Константинов П. Субъективная сторона убийства с особой жестокостью // Российская юстиция. - 2004. - №4. - С. 41-43.
48. Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений: учебное пособие для магистров. - М.: Проспект, 2014. – 112с.
49. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. - М., 2012. – 320с.
50. Краев Д.Ю. Убийство при отягчающих обстоятельствах (п.п. «в», «г», «е1», «к», «л», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ): монография. - М.: Юрлитинформ, 2012. – 256с.
51. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.: Спарк, 2001. – 1040с.
52. Кучина Я.О. Убийство в общем праве (на примере уголовного права Австралии) и его отличие от института убийства в российском уголовном законе // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. - 2017. Т.19. - №4. - С. 118-128.
53. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 359с.
54. Лаптев Д. Б., Танасейчук Я.В. К вопросу о субъекте убийства по мотиву кровной мести. // Уголовное право. - 2017. - №3. - С. 44-47.

55. Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 656 с.
56. Лопашенко Н.А. Убийства: монография. - М.: Юрлитинформ, 2013. – 544с.
57. Маляева Е.О. Проблемы квалификации убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего //Российский следователь. – 2003. - №9. - С. 16-18
58. Маменовский А. Н. Кровная месть и смертные казни. - Томск, 1909. – 537с. // <http://lawlibrary.ru/izdanie49187.html>
59. Маркарян С. А. Совершение преступления по мотиву кровной мести. // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. - 2014. - №5. - С. 81-83.
60. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. // <http://online.zakon.kz/>
61. Нешатаев В.Н., Векленко В.В. Понятие квалификации преступлений //Российский следователь. - 2015. - №21. - С. 26-29.
62. Ображиев К.В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. - 2016. - №8. - С. 29-34.
63. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1989. – 736с.
64. Ображиев К.В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. - 2016. - №8. - С. 29-34.
65. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1989. – 736с.
66. Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И. Мотивы преступлений экстремистской направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2015. - №1 (60). - С. 55-57.

67. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография. - Барнаул, 2006. – 432с.
68. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494с.
69. Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108УК РФ): конспект лекций. - СПб, 2016. - 127с.
70. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 898с.
71. Попова Н.П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью: дис. ... канд. юр. наук. - М., 2005. – 195с.
72. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: Научно-практическое пособие. - М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. – 178с.
73. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - М.: Проспект, 2015. - 232с.
74. Резепкин О. Ю. Особенности квалификации преступлений, посягающих на свободу человека // Уголовное право. – 2003. – №2. – С. 28-31.
75. Сабитов Р.А. Расследование преступлений экстремистской направленности: методика и квалификация. - Челябинск, 2010. – 197с.
76. Сазерс Джон. Американский подход к рассмотрению преступлений на почве ненависти и обеспечению свободы слова // Российское и зарубежное законодательство о преступлениях на почве расовой ненависти. Экспертиза, защита участников процесса: Сб. материалов семинара. Стенографический отчет. СПб., 2011. - С. 13-17.
77. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): Научно-практическое пособие. - М.: Проспект, 2014. – 296с.
78. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. - СПб., «Юридический центр Пресс», 2004. - 326с.

79. Сусякова К. С. Жизнь человека как объект преступного посягательства при убийстве // сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. 2018.: Наука и Просвещение (Пенза). – С.97-99.
80. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации.- СПб. 2002. – 321с.
81. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 298с.
82. Третьяков К. В. Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 195-198.
83. Уголовный Кодекс Республики Казахстан 3 июля 2014 года № 226-V. // http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks.htm
84. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325
85. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2015. - 1184с.
86. Хорошева А.Е. Уголовные дела о насильственных преступлениях экстремистской направленности как объект криминалистического исследования // Российский следователь. - 2018. - №9. - С. 20-24.
87. Хрестоматия по истории государства и права СССР: Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1990. – 480 с.
88. Чечель Г. И., Рахматуллина Н. Г. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести: вопросы квалификации и индивидуализации наказания: монография. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – 140с.
89. Шайкенова Д.Т. Убийство, совершенное с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юр. наук. - М., 2011. – 27с.

90. Шнайдер Л.Г. Преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести в уголовном праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юр. наук. - М., 2006. – 199с.

91. Шолько М.А. Особенности предварительного расследования убийств, совершенных по мотиву кровной мести и кровной вражды: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Ижевск, 2007. – 27с.

92. Шульгин С. И. Проблемы квалификации убийства по мотиву кровной мести. // Вестник НГУ. Серия: Право. - 2011. - №1. - С. 190-193

93. Яни П.С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. – 2017. - №6. – С.25-30.

94. Bartels, L. A right to die? Euthanasia and the law in Australia // Journal of Law and Medicine. – 2010. – №17. – P. 532-555.

95. Crimes Act 1900 New South Wales // <https://www.sydneycriminallawyers.com.au/>

96. Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia. Available // <https://www.legislation.sa.gov.au/>

97. Death (Definition) Act 1983 South Australia // <https://www.legislation.sa.gov.au/>

98. DPP v Camplin (1978) 2 All ER 168. Available // <https://global.up.com/uk/orc/law/criminal/>

99. Sornarajah, M. Reckless murder in Commonwealth Law // The International and Comparative Law Quarterly. – 1975. – Vol. 4, iss. 24. – P. 846–861.

100. R v Butcher (1986) VR 43 // <https://deakin.rl.talis.com/>

101. R v Morrison (2007) SASC 168 // <https://jade.io/summary>

102. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. - №3.

103. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой

неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. - №2.

104. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 сентября 2007 г. №299 – П07 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2007. - №7.

105. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 марта 2017 г. №27-П17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2017. - №8.

106. Определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 1994г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. - №11.

107. Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 4 квартал 2003г. от 7 апреля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2004. - №7; Кассационные определения Верховного Суда РФ от 9 февраля 2004г. №6-о04-4сп, от 3 августа 2004 г. №5-О04-103 // <http://www.consultant.ru/>

108. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 11 августа 2015 г. №22-6719/2015 // <http://www.consultant.ru/>

109. Кассационное определение от 27 июля 2011 г. №22-1561-2011 // <http://sudact.ru/>

110. Определение от 10 июля 2012 г. УК-004802-02/2012 // <http://bsa.chel-oblsud.ru/>

111. Определение Челябинского областного суда от 22 июня 2012 г. УК-004182-02/2012. // <http://bsa.chel-oblsud.ru/>

112. Постановление от 1 февраля 2011 г. №10-1/2011 // <http://www.consultant.ru/>

113. Постановление Далматовского районного суда от 7 марта 2011г. // <http://goo.gl/X86pnW>

114. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2003г. №26-О03-9 // <http://www.consultant.ru/>

115. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 января 2013г. №33-012-36 // <http://www.consultant.ru/>

116. Определение Верховного Суда РФ от 17 марта 2008г. по делу №34-О08-3 // <http://www.consultant.ru/>
117. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15 января 2014г. №8-АПУ13-13 // <http://www.consultant.ru/>
118. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19 июня 2014 г. №22-5144/2014 // <http://www.consultant.ru/>
119. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 сентября 2017г. №45-АПУ17-11 // <http://www.consultant.ru/>
120. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 октября 2017г. №203-АПУ17-29 // <http://www.consultant.ru/>
121. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2018г. №11-АПУ18-5 // <http://www.consultant.ru/>
122. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 июля 2018г. №29-АПУ18-1 // <http://www.consultant.ru/>
123. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 октября 2018г. №78-АПУ18-21// <http://www.consultant.ru/>
124. Приговор от 20 декабря 2013 г. №2-48/2013 // <http://goo.gl/OrAj8S>
125. Приговор от 20 февраля 2014 г. №1-148/2014 // <https://www.sudact.ru/>
126. <http://online.zakon.kz/>
127. <https://www.sydneycriminallawyers.com.au/>
128. <https://www.legislation.sa.gov.au/>
129. <https://global.opup.com/>
130. <https://deakin.rl.talis.com/>
131. <https://jade.io/>
132. <http://kodeksy-kz.com/>
133. www.pravo.gov.ru/
134. <http://www.consultant.ru/>
135. <http://lawlibrary.ru/>
136. <https://www.sudact.ru/>